

ФИЛОСОФИЯ

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

1988/2

Т. И. Ойзерман

**КРИТИКА
«КРИТИЧЕСКОГО
РАЦИОНАЛИЗМА»**

ЗНАНИЕ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

ФИЛОСОФИЯ

2/1988

Издается ежемесячно с 1960 г.

Т. И. Ойзерман,

академик АН СССР

КРИТИКА «КРИТИЧЕСКОГО РАЦИОНАЛИЗМА»

(ИЗ ЦИКЛА «КРИТИКА ФИЛОСОФСКИХ
БУРЖУАЗНЫХ ТЕЧЕНИЙ»)

Издательство «Знание» Москва 1988

ББК 87.3в03

О 14

Автор: ОЙЗЕРМАН Теодор Ильич, академик АН СССР,

Рецензент: И. С. Нарский — заслуженный деятель науки РСФСР, профессор (АОН при ЦК КПСС), доктор философских наук.

Ойзерман Т. И.

О 14 Критика «критического рационализма». — М.: Знание, 1988. — 64 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Серия «Философия»; № 2).

11 к.

«Критический рационализм» — одно из наиболее влиятельных течений современной буржуазной философии. Анализируя концепции крупнейших его представителей (К. Поппера, И. Лакатоша и Т. Куна), автор показывает, что они ставят и обсуждают важнейшие гносеологические и методологические проблемы научного исследования, но решают их с идеалистических и агностических позиций.

0301020000

ББК 87.3в03

© Издательство «Знание», 1988 г.

ВВЕДЕНИЕ

Выдающиеся научные достижения науки XX в., естественно, привлекают пристальное внимание философов, в особенности потому, что они нередко порождают критические ситуации, когда общепринятые понятия и теории, не вызывавшие каких-либо сомнений, неожиданно ставятся под вопрос, а иной раз и опровергаются новыми теориями и связанными с ними экспериментальными данными.

В этой связи понятно возникновение «философии науки» и как специальной философской дисциплины, и как философского течения, которое сводит всю проблематику философии к анализу логической структуры науки, ее языка и методов исследования. В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» отмечал эту тенденцию, связанную с методологическим кризисом в физике конца прошлого — начала этого века. Он указывал, в частности, что Э. Мах сводит философию к психологии познания, пытаясь создать новую, гносеологическую разновидность идеализма. Продолжателями Маха и Авенариуса были неопозитивисты, философия которых мы кратко коснемся ниже.

Накануне второй мировой войны и непосредственно после нее неопозитивизм занимал господствующее положение в буржуазной «философии науки». Последнюю четверть века наиболее влиятельное течение в этой области исследования — «критический рационализм», главным представителем которого является австрийский философ К. Р. Поппер, работавший начиная с 30-х гг. в Англии.

«Критический рационализм», как свидетельствует его название, претендует на критическое преодоление классического рационализма, хотя в действительности он усугубляет одно из основных его заблуждений — тезис о принципиальной недостаточности всякого опыта для установления истины. Но если рационалисты XVII—XVIII вв. полагали (и конечно, не без оснований), что опыт недостаточен для доказательства метафизических, т. е. сверхопытных, истин,

то Поппер утверждает, что опытные данные недостаточны даже для установления какой-либо эмпирической истины. Он пишет: «...было бы серьезной ошибкой верить в то, что мы можем опереться на нечто, подобное авторитету опыта...»¹. Под флагом борьбы против авторитаризма, преклонения перед авторитетами Поппер отрицает результативный характер эмпирических исследований, т. е. то, что они открывают действительно существующие закономерности, достигают истины. Отрывая опытное исследование от практики, которая является его основой и критерием истинности приобретаемых знаний, Поппер безапелляционно заявляет: «...опыт, особенно научный опыт, можно представить как результат обычно ошибочных догадок, их проверок и обучения на основе наших ошибок. Опыт в таком смысле не является источником знания и не обладает каким-либо авторитетом»².

Учениками и продолжателями Поппера, нередко вступающими с ним в серьезные дискуссии, а иногда и отмежевывающимися от ряда его положений, являются И. Лакатош, Т. Кун, П. Фейерабенд, С. Тулмин, Г. Альберт, Г. Ленк, К. Хюбнер и другие. В течение последнего десятилетия на русском языке опубликованы книги Поппера, Лакатоша, Куна, Тулмина, Фейерабенда и некоторых других близких к ним по духу философов, занимающихся методологическими проблемами истории науки. Это обстоятельство придает особую актуальность марксистскому анализу «критического рационализма», который при всех своих теоретических заблуждениях и порой весьма реакционных социальных выводах ставит на обсуждение важные проблемы теории познания и методологии науки.

«Критический рационализм» выступил на философскую арену как радикальная противоположность неопозитивизму — продолжателю традиций идеалистического эмпиризма. Представители идеалистического эмпиризма истолковывают чувственные данные не как отражение внешнего мира, а как единственное, чем располагает наука в качестве материала для исследования. Устраняя вопрос о внешнем мире, а следовательно, и необходимость сопоставления чувственных данных с пезависимыми от восприятий предметами, неопозитивисты тем не менее утверждают, что наука представляет собой «царство установленных истин»³.

Б. Рассел, один из основоположников неопозитивизма, никогда не разделял этого убеждения и, в известной мере предвосхищая «критический рационализм», утверждал, что истина относится к сфере верований, а не твердо установленных фактов. «Вся наша интеллектуальная жизнь состоит из мнений (Beliefs) и переходов от мнения к мнению посредством того, что называется рассуждением. Мнения дают знание и заключают в себе заблуждения, они являются носителями истины и лжи» (Russel B. Analysis of Mind. — London, 1921. — P. 231). Рассел, таким образом, стирал противоположность между верой и знанием. Правда, речь идет не о религиозной вере, а о мнениях, убеждениях. Однако такое истолкование противоположности истины и заблуждения, несмотря на отказ от их абсолютного, метафизического противопоставления, является субъективистским, чуждым диалектике, которая принципиально отвергает субъективизм.

Противопоставляя неопозитивизм предшествующим философским учениям, оказавшимся неспособными «разработать общую теорию, которую можно бы преподавать студентам с согласия всех тех, кто преподает философию», Г. Райхенбах (1891—1953 гг.), один из лидеров неопозитивистского движения, заявлял, что именно неопозитивизм создал такую философскую теорию, которая кладет конец анархии философских систем и ставит на место субъективных убеждений философов научно обоснованное мировоззрение, т. е. делает философию в принципе такой же наукой, как физика, химия, биология и т. д. «Почему же, — патетически вопрошал Райхенбах, — философ должен отрекаться от учения, которое прочно устанавливает истину?»⁴.

В противоположность неопозитивизму с его ориентацией на опытное (правда, идеалистически понимаемое) знание «критический рационализм» выдвинул в качестве своего основоположения идею о принципиальной недостижимости истины и недостоверности опытных данных. Он провозгласил, что научные теории, в сущности, не нуждаются в понятии истины. История науки якобы свидетельствует о том, что ложные теории эффективно «работают» и, значит, вполне подтверждаются данными опыта.

Так, теория флогистона, считавшая огонь не особой формой движения материи, а специфическим веществом, наличие которого в тех или иных телах делает их подверженными горению, исправно служила естествоиспытателям и

практикам, пока ее не опроверг Лавуазье. Наука, утверждает Поппер, «никогда не может претендовать на достижение истины или чего-то, заменяющего истину, например, «вероятности»⁵. Провозглашая своей задачей развенчание «идеала достоверности», Поппер пытается обосновать тезис, что все научные положения, поскольку они основаны на эмпирических данных, количество которых не может быть исчерпано исследованием, в принципе опровержимы. И если некоторые из научных теорий еще не опровергнуты, то они обязательно будут опровергнуты в будущем. Больше того, научные положения, по утверждению Поппера, лишь постольку являются научными, поскольку они могут быть рано или поздно опровергнуты. Неопровержимы, иронизирует Поппер, лишь антинаучные положения, так как они не имеют отношения к фактам, к опытным данным и вследствие этого не могут быть дискредитированы последними. И Поппер объявляет любое убеждение в истинности той или иной научной теории не более чем иррациональной, т. е. противоречащей рассудку и логике верой. «Мы никогда не можем, — пишет он, — рационально оправдать теорию, т. е. нашу веру в истинность теории или в то, что она, вероятно, истинна»⁶.

Таким образом, коренной вопрос, разделяющий, противопоставляющий друг другу «критический рационализм» и неопозитивизм, — не столько вопрос о роли опыта в познании, сколько вопрос об истине. Однако проблема истины не есть, так сказать, частный вопрос, поскольку всякое познание, научное исследование прежде всего направлены на достижение истины, т. е. адекватное, объективно верное воспроизведение, отражение изучаемых явлений. Речь, следовательно, идет о принципиальной оценке науки и знания вообще, а тем самым и о том, необходима ли в практической и научной деятельности истина или же она, в сущности, не нужна. Вот почему, прежде чем перейти к конкретному критическому анализу учения Поппера и его продолжателей, целесообразно, хотя бы вкратце, остановиться на вопросе о месте категории истины в философии.

Понятие истины — основополагающая категория теории познания и философии вообще. Другие философские категории (материя, бытие, человеческое существование и т. д.) предполагают понятие истины как свое содержание или в качестве цели исследователь-

ского поиска. Философия исторически начинается как отрицание всякого рода мнений во имя истины, как противопоставление кажимости, видимости истинно существующему. Так рождалось теоретическое мышление, первой исторической формой которого была философия.

В Новое время идеологи буржуазных революций осознают свою партийную антифеодальную позицию не непосредственно, а абстрактным образом, объявляя о своей непоколебимой приверженности к истине ради истины. «Самая серьезная потребность, — писал Гегель, — есть потребность познания истины»⁷. Идеалистический характер этого убеждения нисколько не умаляет его теоретической и идеологической значимости.

Итак, когда философия провозглашает, что у нее нет и не может быть иной задачи, кроме искания истины и служения ей, она лишь интерпретирует идеалистическим способом специфические задачи теоретического исследования. Конечно, с такой интерпретацией призвания философии исторически связано ее противопоставление нефилософским исследованиям и общественной практике как якобы низшим сферам человеческой деятельности. Но и это было неизбежно, пока философия благодаря марксизму не стала научно-философским мировоззрением, теоретически подытоживающим достижения науки и практики. И пафос истины, несомненно, сыграл величайшую роль в развитии философии и научного знания вообще. Это был субъективный фактор объективно обусловленного социального процесса, культурно-историческое значение которого невозможно переоценить.

Платон, поставивший истину на вершину иерархии якобы потусторонних идей, был, конечно, далек от критически-исторического рассмотрения понятия истины. В течение многих веков это понятие, несмотря на все таящиеся в нем неясности, недостаточно подвергалось критическому анализу.

Существенный поворот в этом отношении знаменует немецкая классическая философия, которая доказала несостоятельность старого рационалистического отождествления истины с очевидностью. В философии Гегеля проблема истины становится предметом диалектического анализа. Гегель осознал, что абстрактной истины нет, истина конкретна. Он характеризовал истину как процесс, т. е. показал, что она

развивается, а не остается неизменной. В рамках гегелевской диалектики впервые был поставлен вопрос о единстве относительного и абсолютного в содержании истины.

Основоположники марксизма связывают воедино пафос истины и партийную позицию коммунистического авангарда рабочего класса. При этом, как свидетельствует исторический процесс формирования марксизма, начало интеллектуальной биографии его основоположников составляет именно эта бесстрашная устремленность к истине. Разоблачая в одной из первых своих работ лицемерие господствующей идеологии, К. Маркс заявляет: «Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинно, истинное исследование — это развернутая истина, разъединенные звенья которой соединяются в конечном итоге»⁸. В этом гносеологическом требовании, по существу, уже заключена определенная программа исследовательского (и притом не только гносеологического) поиска. В. Либкнехт с полным основанием утверждал, что К. Маркс, человек величайшей, непримиримой партийности, «не знал другого культа, кроме культа истины...»⁹.

Исследование понятий причинности, закономерности и других категориальных форм всеобщности, присущих объективной действительности и ее познанию, всегда остается незавершенной задачей философии. Это тем более касается понятия истины, которое, с одной стороны, характеризуется максимумом всеобщности, а с другой — противостоит понятию заблуждения, сфера которого, пожалуй, еще более обширна, чем всегда ограниченная область истинного. Научный прогресс не есть лишь накопление знаний, выявление и познание неизвестных ранее закономерностей. Это также изменение структуры знания и все более глубокое постижение его природы. Отсюда неизбежность постановки вопроса о развитии понятия истины, о различных типах истин, соответственно качественным различиям между видами знания — математического, биологического, исторического и т. д. Современные достижения науки и практики, безусловно, должны оплодотворить развитие понятия истины. В какой степени, например, это понятие применимо к технологическим процессам, изобретениям, оценкой которых служит их соответствие заданной цели, эффективность, надежность?

Не могут остаться за пределами философского анализа истины и научные революции, существенно изменявшие гносеологические характеристики познания. Именно в связи с анализом методологического кризиса физики конца XIX — начала XX в. В. И. Ленин развивает теорию истины, а эта работа должна быть продолжена на основе методологического исследования современного научного знания.

В наши дни, когда революция в естествознании продолжается и, возможно, становится непрерывной, когда идеалистические учения (во всяком случае, наиболее влиятельные из них) еще в большей мере, чем в прошлом, паразитируют на достижениях науки, ситуация, рассмотренная В. И. Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме», в известной мере повторяется. Конечно, философия марксизма приобретает все больше сторонников в среде научной интеллигенции капиталистических стран. И все же для большинства ученых, подверженных влиянию господствующей в буржуазном обществе идеологии, диалектический материализм (во всяком случае, в его аутентичной форме) все еще остается лишь одним из философских учений наряду с другими, которые в условиях капитализма занимают привилегированное положение.

Субъективистско-агностическое истолкование категории истины имеет глубокие гносеологические корни. Поэтому ленинский анализ теоретических истоков «физического» идеализма сохраняет свое принципиальное мировоззренческое и методологическое значение и в наши дни.

В. И. Ленин отмечал, что «физические» идеалисты в отличие от метафизических материалистов исходили из факта относительности знания, который убедительно выявился революцией в физике. Но они нигилистически интерпретировали необходимость критического пересмотра ряда основных понятий и методологических допущений классической механики. «Настаивая на приблизительном, относительном характере наших знаний, они скатывались к отрицанию независимого от познания объекта, приблизительно верно, относительно правильно отражаемого этим познанием»¹⁰.

Относительность знаний — гносеологическое выражение всеобщности развития. В этом смысле диалектика есть учение об относительности знаний. Диалектика, пишет В. И. Ленин, есть «учение о развитии в его наиболее полном, глу-

боком и свободном от односторонности виде, учение об относительности человеческого знания, дающего нам отражение вечно развивающейся материи»¹¹.

Следует подчеркнуть, что проблема относительности знаний занимает недостаточное место в работах советских философов. Между тем исследование этого круга вопросов способствует предотвращению догматизма и творческому овладению марксизмом-ленинизмом. Признание относительности фундаментальной характеристикой природы знания есть отрицание его непосредственного характера. А это, в свою очередь, означает относительную независимость научных знаний от объектов, составляющих предмет исследования. Об одних и тех же объектах имеются существенно различные научные представления. Эти образы объективно-реального изменяются в процессе развития познания независимо от того, изменился ли изучаемый предмет. Отношение между научным знанием и его объектом, в особенности если последний не фиксируется донаучным опытом, выясняется посредством исследования и проверки его результатов. Существование многих явлений устанавливается также путем теоретического исследования, исходные положения которого носят характер допущений. Эмпирически очевидное существование нередко оказывается лишь видимостью. Последняя, однако, также есть факт, который подлежит исследованию.

К. Маркс в «Капитале» не только сводит видимость к сущности, но и выводит ее из сущности, т. е. показывает необходимость и существенность видимости, несмотря на ее противоположность сущности. Именно в этой связи раскрывается гениальная глубина следующего положения К. Маркса: «Научные истины всегда парадоксальны, если судить на основании повседневного опыта, который улавливает лишь обманчивую видимость вещей»¹².

Противоречивые отношения между познанием и его предметом непостижимы для метафизика: он не способен позитивно понять отрицание определенного знания как его развитие. Метафизик не подымается до отрицания отрицания, т. е. до снятия отрицания, которое есть обогащение объективного содержания истины. И отрицание возможности истины «критическим рационализмом», и отрицание объективной истины махистами, которых разоблачил В. И. Ленин

в «Материализме и эмпириокритицизме», — явления одного и того же порядка.

В противовес субъективно-идеалистическому (и агностическому) истолкованию факта относительности знания диалектический материализм «признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине»¹³. Этот ленинский вывод — дальнейшее развитие гносеологических основоположений К. Маркса и Ф. Энгельса.

Ф. Энгельс разъяснял, что диалектическое понимание относительности знания сложилось исторически благодаря научному прогрессу, который постоянно преодолевал абсолютизацию достижений науки, антидиалектическое противопоставление истины и заблуждения, несостоятельные допущения абсолютного, исчерпывающего объекты исследования, знания. Однако, критикуя претензии Е. Дюринга на установление в каждом рассматриваемом вопросе окончательной истины в последней инстанции, Ф. Энгельс не утверждал, что такие истины вообще невозможны: такое утверждение как раз и выступало бы в качестве окончательной истины в последней инстанции, распространяемой (разумеется, неправомерно) на все результаты познавательной деятельности.

Отвергая дюрингианское отождествление всякой истины с абсолютной истиной и столь же несостоятельное смешение абсолютной истины с абсолютным знанием, настаивая на относительности знаний, их незавершенности, обусловленной и конкретными обстоятельствами, и всеобщим процессом развития, Ф. Энгельс признает вместе с тем, что некоторые результаты астрономии, механики, физики, химии «представляют собой вечные истины, окончательные истины в последней инстанции...»¹⁴. При этом он решительно выступает против одностороннего, упрощенного понимания научного прогресса как умножения количества окончательных истин в последней инстанции. Не следует вообще преувеличивать научное значение таких истин, которые, как правило, слишком общи или же просто фиксируют единичные факты. Важнейшие достижения науки — открытие новых закономерностей и новых, ранее неизвестных объектов ис-

следования, увеличение массы эмпирических знаний и их интеграция в целостные теоретические системы. Весь ход познания — от явления к сущности, от одной сущности к другой, более глубокой, — менее всего может быть выражен представлением об окончательных истинах в последней инстанции. Такие представления, хотя и выражают определенные существенные результаты познания, нередко в ходе научного прогресса ставятся под вопрос и даже опровергаются. Иными словами, не все окончательные истины в последней инстанции действительно являются таковыми. В этой связи Ф. Энгельс ссылается на выдающиеся достижения математики, физики, химии. «Окончательные истины в последней инстанции становятся здесь с течением времени удивительно редкими»¹⁵. Эти рассуждения Ф. Энгельса, как и приведенное выше ленинское положение, раскрывают не только противоположность научно-философского понимания истины субъективно-идеалистическому, но и качественное отличие диалектического материализма от материализма метафизического.

Все материалисты признают объективную истину, считают объективность основополагающим определением истины. С точки зрения материалистической гносеологии понятие субъективной истины является антинаучным, что, впрочем, не исключает субъективного восприятия истины различными человеческими индивидами.

В. И. Ленин следующим образом формулирует вопрос об объективной истине: «...может ли в человеческих представлениях быть такое содержание, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества?»¹⁶ Речь идет об объективном содержании знания. Это содержание существует вне процесса познания, но лишь как содержание данного субъективного процесса оно образует истину, объективную истину. Истина — специфическое отражение объективной реальности субъектом познания, специфическое в том смысле, что не всякое отражение объективного является истинным. Истина есть, разумеется, знание, но не всякое знание есть истина. Так, знание видимости без ее осмысления именно в качестве видимости, а следовательно, и без ее отрицания есть заблуждение. Как это ни парадоксально, даже суеверия выступают как знания, а имен-

по знания относительно того, чего нет, но что суеверному человеку представляется существующим. И вообще заблуждения именно в этом своем качестве, т. е. как заблуждения, обладают субъективной формой знания. Истина же в отличие от заблуждения есть специфически объективное содержание знания. Следует, таким образом, разграничивать действительное и мнимое знание. Это также необходимо для того, чтобы уяснить диалектический процесс приближения знания к объективной, в том числе абсолютной, истине.

Поскольку объективно-реальное как объект познания не входит (во всяком случае, непосредственно) в его образ, последний, естественно, не обладает свойствами познано-го объекта. Истинное представление о той или иной материальной вещи носит идеальный характер и в этом смысле не похоже на предмет, который оно воспроизводит. Оно (истинное представление) может быть лишь описанием свойств или других характеристик предмета, к которому относится. Недопустимо игнорировать эту субъективную сторону объективной истины. Это, в частности, допущения, без которых не может быть корректного описания предмета.

Если мы, например, утверждаем, что в нашей Солнечной системе имеется девять планет, то тем самым предполагаем, что планетами называются небесные тела, масса которых сопоставима с массой Земли. В ином случае можно считать множество планет, что, впрочем, и делают астрономы, установившие существование нескольких тысяч малых планет, или астероидов.

Констатация известных допущений как предпосылок истинного высказывания никоим образом не ведет к выводу, что истина есть лишь свойство суждения, так как истинное суждение о вещи предполагает также отношение данного суждения к вещи, сопоставление первого со вторым, сопоставление суждений с предметом суждения. Путем такого сопоставления, которое носит опосредованный характер даже в простейших случаях (например, проверка путем измерения суждения о расстоянии между двумя наблюдаемыми предметами), выясняется, в какой степени суждение согласуется с предметом суждения. Тем самым выявляется степень истинности, иными словами, границы точности, приближенности истинного суждения, а зна-

чит, и заключающиеся в нем погрешности, «округления». Само собой разумеется, что эти свойства истины никоим образом не присущи ее предмету. Имеется в виду лишь приближение к полной истине или, как зачастую говорят, приближение к объективной истине, из чего не следует, что последняя находится по ту сторону знания, т. е. существует до познания.

Мы видим, таким образом, что диалектико-материалистическое понимание объективной истины качественно отличается от того представления о ней, которое было свойственно метафизическому материализму, не сумевшему применить диалектику к теории отражения. Материалисты-метафизики не рассматривали развитие истины, не видели в ней единства объективности и относительности. Противоположность между истиной и заблуждением истолковывалась метафизическими материалистами как абсолютная. Поэтому метафизический материализм не разграничивал абсолютной истины, с одной стороны, и относительной истины — с другой. Между тем абсолютная истина складывается из относительных истин, пределы абсолютной истины также относительны.

Подытоживая эти предварительные замечания, мы считаем необходимым подчеркнуть, что вопрос об истине не только гносеологический, но и нравственный, морально-политический вопрос.

Американский прагматизм, который провозгласил, что истиной является все, что «работает», приносит успех, наглядно выразил таким пониманием истины внутренне присущий буржуазному обществу цинизм, неразборчивость в средствах для достижения своекорыстных целей. «Критический рационализм», который продолжает ту же линию, вообще отбрасывая понятие истины, обосновывает тем самым аморализм, оправдание любой жизненной позиции на том основании, что истина-де недоступна людям.

В противовес этому утонченному пигизму марксизм-ленинизм раскрывает неразрывную связь таких понятий, как «истина» и «правда». Отрицание этой связи несовместимо с гуманизмом.

Таковы основные положения диалектико-материалистического учения об объективной истине. С этих позиций, полностью соответствующих действительному историческому развитию научного знания, и следует, по нашему мнению, подвергнуть критическому анализу новейшую разновидность гносеологического идеализма, выступающего под флагом «критического рационализма».

ОТ НЕОПОЗИТИВИЗМА К «КРИТИЧЕСКОМУ РАЦИОНАЛИЗМУ»

Неопозитивизм возник как продолжение субъективно-идеалистического учения Э. Маха, известного австрийского физика и философа. «Венский кружок», с которым прямо связано начало неопозитивистского движения, был непосредственным преемником идей Э. Маха, долгое время состоявшего в должности профессора Венского университета. Первый программный документ неопозитивизма «Научное мировоззрение. Венский кружок» (1929 г.) был опубликован «Обществом имени Э. Маха».

Согласно философской теории Маха существуют только чувственно воспринимаемые вещи (на этом основании Мах вопреки известным ему открытиям физики и химии отрицал существование атомов и молекул). Чувственно воспринимаемые вещи, утверждал Мах, состоят из ощущений, которые надо поэтому считать элементами всего существующего. Отсюда вывод: не следует считать ощущения лишь психическими явлениями, фактами сознания. Их-де необходимо рассматривать как существующие сами по себе, безотносительно к человеческой психике, т. е. как некую самостоятельную, самодовлеющую реальность. Ощущения, утверждал Мах, не есть нечто психическое или нечто физическое. Поэтому-де они представляют собой нейтральные по своей природе элементы всего существующего. Если ощущения воспринимаются человеческим индивидом, вступают в связь с его представлениями, они становятся психическими явлениями, фактами сознания. Если же одни ощущения связаны с другими независимо от наших представлений, то здесь налицо физический процесс, явление внешней природы.

В. И. Ленин подверг уничтожающей критике махистское учение об «элементах» мира, являющихся якобы независимыми от сознания ощущениями, ничьими ощущениями, как пронизировал В. И. Ленин. «Либо «элемент», — писал он, — есть **ощущение**, как говорят все эмпириокритики, и Мах, и Авенариус, и Петцольд... и т. д., — тогда ваша философия, господа, есть **идеализм**, тщетно пытающийся прикрыть наготу своего солипсизма нарядом более «объективной» терминологии. Либо «элемент» не есть ощущение, —

и тогда с вашим «новым» словечком не связано ровню никакой мысли, тогда это просто важничанье пустышкой»¹.

Неопозитивисты, полностью восприняв идеалистический эмпиризм Э. Маха и его последователей, отказались от его учения об «элементах» мира и провозгласили, что философия вообще не обсуждает вопрос о существовании внешнего мира, а тем более не должна заниматься его изучением, существование внешнего мира признают многочисленные частные, специальные науки; они же и занимаются его изучением. Философия же должна ограничить свой предмет исследованием проблемами познания; ее призвание — быть теорией науки, критическим анализом научного знания.

Неопозитивистская теория познания вычленяет в составе науки три основных типа суждений. Первый тип — логико-математические суждения, которые не основываются на чувственных, опытных данных, а представляют собой логическое развитие, исходным пунктом которого являются аксиомы или постулаты. Так, например, неевклидова геометрия отличается от геометрии Евклида тем, что она берет в качестве отправной логической посылки новый постулат относительно параллельных линий. В сфере логики и математики речь идет не об истинных или ложных положениях, а о логически правильных или неправильных выводах.

Второй тип суждений (предложений) — эмпирические высказывания, основанные на чувственных восприятиях. Все естествознание состоит из таких предложений; некоторые из них очень абстрактны, и их связь с исходными чувственными данными далеко не очевидна. Задача гносеологического исследования состоит в данном случае в том, чтобы свести эти абстрактные, теоретические положения к первичным чувственным данным, констатациям, которые неопозитивисты называли протокольными суждениями, т. е. таким описанием фактов, истинность которого не может быть поставлена под сомнение.

Третий тип суждений, образующий основное содержание философии и теологии, но в известной мере наличествующий и в эмпирических науках, неопозитивисты называли метафизическими, чуждыми науке. Метафизические суждения не являются логически доказуемыми, подобно предложениям математики. Метафизические суждения, утверждали неопозитивисты, не могут быть доказаны опы-

ным, экспериментальным путем, не подтверждаются чувственными данными. Такие суждения должны быть признаны лишёнными научного смысла. Следовательно, важнейшей задачей философии как критического анализа научного знания является очищение науки от бессознательно принимаемых учеными «метафизических» посылок, заимствованных, как правило, из предшествующей философии или теологии. Таким образом, неопозитивисты трактовали метафизику не столько как философское, как правило, идеалистическое учение о сверхчувственной, сверхприродной (мета-физической) реальности, сколько как совокупность высказываний, которые принципиально не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты вследствие того, что они не связаны с опытом, не сводимы к первичным, базисным чувственным данным.

Следует подчеркнуть, что материалистическое учение о независимой от сознания и познания объективной реальности, которую познающий субъект идеально воспроизводит, отражает, неопозитивисты, как и их предшественники — агностики XIX в., считали типичным примером метафизики. «Метафизиками, — писал В. И. Ленин, имея в виду предшественников неопозитивизма, — надо сказать, обзывают материалистов многие идеалисты и все агностики (кантианцы и юмисты в том числе), потому что им кажется, будто признание существования внешнего мира, независимого от сознания человека, есть выход за пределы опыта»².

Учение неопозитивистов может служить непосредственной иллюстрацией этого ленинского положения. Р. Карнап, признанный лидер неопозитивизма, писал, что неопозитивизм «отверг и тезис о реальности внешнего мира, и тезис о его нереальности, как псевдопредложения»³. На первый взгляд может показаться, что Карнап отвергает и материализм и идеализм. Он, по-видимому, субъективно был убежден в том, что неопозитивизм «возвысился» над этими основными философскими направлениями и проложил, так сказать, третий путь в философии. В действительности же неопозитивизм представлял собой субъективно-идеалистическое учение о познании, поскольку он отрицал, что познание, наука отражают внешний, независимый от познания мир.

Наука, утверждали неопозитивисты, представляет собой систему предложений, каждое из которых в принципе поддается проверке, верифицируемо и поэтому не зависит от

убеждений или предубеждений ученых. Интерсубъективность научного знания и есть то, что отличает его от философии, которая складывается главным образом из высказываний относительно проблем, оказывающихся при ближайшем рассмотрении не только неразрешимыми, но и по существу мнимыми, фактически не существующими проблемами. Есть ли вне и независимо от сознания человека какая-либо реальность или ее нет? Познаваем внешний мир или непознаваем? Является Вселенная бесконечной во времени и в пространстве или же она ограничена как в том, так и в другом отношении? Эти вопросы объявляются псевдопроблемами, и любой ответ соответственно этому третируется как лишенный научного смысла.

Попытка неопозитивистов расправиться с помощью понятия псевдопроблемы со всей исторически сложившейся философской проблематикой, а заодно и обосновать субъективно-идеалистическую теорию познания не могла не потерпеть краха. А. Эйнштейн, М. Планк, Л. де Бройль, М. Борн и другие великие естествоиспытатели XX в. решительно выступили против неопозитивизма, убедительно показав, что науки о природе невозможны без признания «метафизической» (т. е. независимой от познания, сознания людей) реальности. М. Борн, отвергая исходные положения неопозитивизма, следующим образом характеризовал его субъективистски-агностическую сущность: «Единственно действительным являются переживаемые восприятия: все применяемые для их интерпретации понятия и построения являются, как в обыденной жизни, так и в науке, не более чем искусственными средствами, которые не соответствуют какой-либо действительности; они изобретены лишь для того, чтобы установить ясные логические отношения между восприятиями и благодаря этому предвосхищать последующие восприятия, исходя из предшествующих восприятий»⁴. Это описание неопозитивистского понимания предмета науки (и реальности вообще) является, как нетрудно понять, разоблачением субъективно-идеалистической (и агностической) гносеологии.

М. Планк полностью опроверг неопозитивистское, сугубо антидиалектическое, антиисторическое разграничение реальных и мнимых научных проблем. Он показал, что не существует никаких формальных критериев, т. е. готовых на

все случаи методологических процедур, позволяющих разграничить действительно научные проблемы и так называемые псевдопроблемы. Только конкретное исследование каждой проблемы делает возможным обоснованный вывод относительно ее содержания и значения.

Один из видных представителей неопозитивизма В. Крафт вынужден был под влиянием критиков неопозитивистской гносеологии отказаться от несостоятельного формалистического разграничения действительных и мнимых проблем в науке и философии. «Атомизм, — писал он, — превратился из метафизической идеи в естественнонаучную теорию. Он уже не витает в пустоте в виде догматической конструкции, а находит прочное основание в опыте» (Kraft V. Einführung in die Philosophie. — Wien—New-York 1967. — S. 71).

Столь же несостоятельным оказалось и основное, казалось бы, само собой разумеющееся положение неопозитивизма — принцип верифицируемости, т. е. проверяемости. Конечно, каждое научное положение должно быть доступно проверке, иначе его научность неизбежно оказывается под вопросом. Но неопозитивисты, доказывая возможность принципиальной проверяемости научных высказываний, не связывали ее с обязательным признанием внешнего мира, с его отражением в процессе познания. Они, следовательно, отрицали возможность сопоставления положений науки с независимыми от познания реалиями. Иными словами, все чувственно воспринимаемые предметы характеризовались ими как существующие лишь благодаря чувственным восприятиям, а все понятия — как инструменты, применяемые в познании, т. е. не имеющие независимого от познания содержания. Это и есть субъективный идеализм.

Неопозитивисты утверждали, как уже подчеркивалось выше, что все положения эмпирических наук верифицируются путем их сведения к исходным чувственным данным («протокольным суждениям»). Но, исключая из рассмотрения независимую от познания реальность, они тем самым субъективистски истолковывали «протокольные предложения», которым придавалось значение критерия истины. Их заблуждение заключалось не только в том, что они отожде-

ставляли критерий истины с чувственными восприятиями. Фактически дело обстояло еще хуже, поскольку речь шла о чувственных восприятиях отдельного, изолированно взятого индивида. Понятие коллективного опыта оказалось неприемлемым для субъективистской гносеологии неопозитивизма. Отсюда понятна неизбежность следующего программного заявления Р. Карнапа: «...каждое суждение протокольного языка какого-либо субъекта лишь для него самого, для этого субъекта, имеет смысл (выделено мною. — Т. О.); однако оно принципиально непостижимо, бессмысленно для любого другого субъекта»⁵.

Неопозитивистская попытка обосновать гносеологическую объективность (интерсубъективность) научных высказываний также потерпела крах. Ведь отрицание (или игнорирование) объективной реальности, не зависимой от познания, означает также отрицание объективного содержания научных положений, признаваемых истинами. Какое же реальное содержание вкладывается в положение об интерсубъективности истины, если эта интерсубъективность отрывается от адекватного отражения объективной реальности? В таком случае интерсубъективность истины означает лишь ее общепринятость, ее признание научным сообществом. Однако история естествознания свидетельствует о том, что множество научных заблуждений принимались как истины всеми или почти всеми учеными.

В. И. Ленин, подвергая критике махистские заблуждения А. Богданова, подчеркивал, что объективность истины не имеет ничего общего с вопросом о том, принимают ли ее большинство ученых. Вопрос об истинности того или иного научного положения не решается путем голосования. В этой связи В. И. Ленин указывает, что большая часть человечества все еще держится за религиозные догматы, отвергая тем самым научные положения⁶.

Таким образом, оказалось, что формально провозглашаемое требование верифицируемости всех эмпирических высказываний фактически невыполнимо, поскольку значительная часть таких высказываний не ограничена по объему. Даже такие простые предложения, как «все тела протяженны», «все люди смертны» и т. п., не поддаются позитивистской верификации. Чтобы спасти принцип верифицируемости, Р. Карнап предложил смягчить его путем сведе-

ния к простой подтверждаемости высказывания наблюдениями. В таком случае приведенные выше предложения (и по существу, все основополагающие обобщения естествознания) оказывались, так сказать, вне опасности попасть в разряд «метафизических», т. е. лишенных научного смысла, положений.

Однако на этом «заключения» субъективистски интерпретируемого императива проверяемости не закончились. Поскольку предложение «все эмпирические высказывания должны быть подтверждаемы» само носит эмпирический характер, что постоянно подчеркивали неопозитивисты, поминизируя со сторонниками априоризма, естественно встал вопрос: верифицируем ли сам принцип верифицируемости, поддается ли подтверждению императив подтверждаемости или он является просто конвенцией, соглашением между учеными, условным допущением, т. е. эмпирически необоснованным положением? В этой критической ситуации, из которой неопозитивисты не смогли найти выхода, ибо для этого надо было отказаться от гносеологического субъективизма, философ К. Р. Поппер предложил заменить принцип верифицируемости (или подтверждаемости) «принципом фальсифицируемости» (опровергаемости).

Может показаться, что Поппер перешел на позиции, абсолютно противоположные неопозитивистскому верификационизму. В действительности дело обстоит не так. Известно, что никакое конечное количество фактов, подтверждающих какое-либо основанное на данных опыта теоретическое построение, не может быть его окончательным, абсолютным подтверждением. Между тем достаточно одного факта, явно не согласующегося с данной теорией, чтобы опровергнуть ее претензии на всеобщность и тем самым ограничить ее значение, а иной раз и выявить ее несостоятельность. Еще Ф. Бэкон, обосновывая индуктивный метод, разъяснял, что исследователь должен придавать первостепенное значение «негативным инстанциям», т. е. тем фактам, которые в отличие от «положительных инстанций» не подтверждают индуктивное обобщение, а вступают в противоречие с ним, ставят его под вопрос. Иными словами, исследователь должен искать не только такие факты, которые согласуются с его тезисом, но и такие, которые с ним не могут быть согла-

сованы и поэтому имеют особо важное значение для проверки, уточнения, развития теории.

История науки знает множество примеров того, как выдающиеся ученые, создававшие новые теории, открывавшие закономерности объективного мира, постоянно подчеркивали необходимость испытывать научные положения, какими бы правильными они ни представлялись. Так, К. Бернар, выдающийся французский физиолог прошлого века, указывал на необходимость критического анализа научных теорий, исправления присущих им недостатков или заблуждений, устранения содержащихся в них пробелов. «Теория, — писал он, — есть подтвержденная гипотеза, подвергнутая контролю рассуждения и экспериментальной критике... Однако, чтобы теория оставалась хорошей, она должна постоянно видоизменяться, обновляться соответственно научному прогрессу, постоянно подвергаться проверке и критике в связи с выявлением ранее не известных фактов»⁷.

Как видим, К. Бернар был весьма далек от того, чтобы абсолютизировать истины, содержащиеся в научных теориях. Однако столь же далек был он от сомнений в достижимости истины в ходе научного исследования. И марксизм, диалектически обобщивший эту прогрессивную методологическую традицию, последовательно выступил как против догматической абсолютизации научных истин, так и против их скептического отрицания. «Для нас, — писал Ф. Энгельс, — раз навсегда утрачивает всякий смысл требование окончательных решений и вечных истин; мы никогда не забываем, что все приобретаемые нами знания по необходимости ограничены и обусловлены теми обстоятельствами, при которых мы их приобретаем»⁸.

Если бы Поппер, учитывая исторический опыт развития научного знания, выступил против догматического истолкования неопозитивистской верификации, он был бы прав. Но он пошел по линии гносеологического скептицизма. Правда, вначале его предложение заменить положительную верификацию (подтверждаемость) отрицательной верификацией (опровержением) не вызвало возражений в среде неопозитивистов. Весьма показательно, что Карнап в опубликованной в 1935 г. рецензии на книгу Поппера «Логика исследования», касаясь сформулированного Поппером принципа, считал его, по существу, приемлемым в рамках неопозити-

вистской теории познания. И в самом деле, если отвлекаться от тех нигилистических выводов, которые были сделаны Поппером частично в 30-х гг., особенно в работе «Открытое общество и его враги» (1945 г.), то нет оснований противопоставлять «принцип фальсифицируемости» неопозитивистскому принципу верифицируемости как нечто, его исключаящее.

И. С. Нарский, характеризующий принцип фальсифицируемости как один из ослабленных вариантов принципа верификации, пишет: «...Поппер ввел в качестве метода верификации общих предложений науки (соответственно — верифицируемости) так называемую фальсификацию (фальсифицируемость), при которой верификации подлежат не утвердительные, а отрицательные предложения» (Нарский И. С. Современный позитивизм. — М., 1961. — С. 264). К этому следует добавить (это станет ясным из дальнейшего изложения), что Поппер предельно усугубил гносеологический субъективизм, характерный для неопозитивистов.

Но дело в том, что Поппер связал свой принцип с отрицанием познавательного значения индукции, с пересмотром статуса научного эмпирического знания вообще, с ревизией понятия истины и отрицанием различия между доказанными научными положениями и гипотезами, поскольку он провозгласил, что научные положения, если они основываются на опыте, в принципе недоказуемы. Такая позиция существенно отличалась от неопозитивизма, который стоял на позициях идеалистического эмпиризма, обосновывал эвристическое значение индукции, указывая на то, что без неопытного исследования в принципе невозможно, и соответственно этому четко разграничивал проверенные (доказанные) научные положения от гипотез. Так возник фальсификационизм, нередко называемый постпозитивизмом, поскольку он является продуктом разложения неопозитивистской философии. Учение Поппера стало противопоставляться неопозитивизму как принципиально новая методология, которая в отличие от неопозитивизма не ограничивается анализом готового научного знания, а исследует его развитие, смену одних теорий другими, ограниченность каждой ступени развития науки и т. д.

Если вначале Поппер представлял свою теорию как уче-

ние о методах естественнонаучного исследования, то в дальнейшем он стал трактовать ее как теорию развития науки, назвал свою гносеологическую концепцию «критическим рационализмом», провозгласив его всеобщей методологией, имеющей принципиальное значение также для анализа природы социального знания и обоснования рациональной политики.

В 40-х гг. Поппер выступил в качестве ведущего теоретика антикоммунизма, опубликовав книги «Открытое общество и его враги» и «Нищета историцизма», в которых он утверждал, что положения марксизма не являются научными, поскольку они... нефальсифицируемы. Буржуазная пресса подняла вокруг писаний Поппера большой шум. Незвестный до тех пор философ, важнейший труд которого был к этому времени основательно забыт, неожиданно выступил как звезда первой величины, крупнейший, по мнению его сторонников, методолог XX в., мыслитель, якобы указавший наиболее надежные пути социальных преобразований, обосновавший императивы научной добросовестности и интеллектуальной честности и т. д. и т. п.

В конце 60-х гг. Поппер дополнил свое учение теорией «третьего мира», которой мы коснемся ниже. Он стал выступать в качестве теоретика развития науки, методологически обосновывающего пути научного прогресса. Принцип фальсификационизма начал обростать всякого рода дополнениями, разъяснениями, оговорками, ограничениями. Однако Поппер не отказался ни от одного из своих положений; фальсификационизм, слегка, правда, подправленный, модернизированный, остался основой «критического рационализма». Поэтому анализ этого учения должен быть прежде всего и главным образом критическим рассмотрением «принципа фальсифицируемости» и неразрывно связанной с ним проблемы истины.

ФАЛЬСИФИКАЦИОНИЗМ — МОДЕРНИЗАЦИЯ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОГО СКЕПТИЦИЗМА

Итак, «критический рационализм» характеризует науку (не касаясь, правда, математики, поскольку она не имеет дела с эмпирически фиксируемыми объектами) как совокупность «фальсифицируемых» (опровергаемых) предложе-

ний, которые лишь постольку считаются истинами, поскольку они еще не опровергнуты. Истина, следовательно, трактуется как некий преходящий статус научных положений, прогресс науки заключается в том, что эти положения опровергаются и заменяются новыми.

В первом издании «Логике исследования» Поппер фактически отвергает понятие истины как якобы упрощенное и чуть ли не иллюзорное¹. В дальнейшем, правда, он в какой-то мере смягчает свою позицию, не отказываясь от нее по существу. «Теория, — утверждает Поппер, — является фальсифицируемой... если существует по меньшей мере один непустой класс однотипных базисных предположений, которые запрещаются ею, т. е. если класс ее потенциальных фальсификаторов не является пустым»². Иными словами, теория опровергается, если исключаемые ею факты, т. е. явления, существование которых считается невозможным, в действительности существуют.

Такая формулировка «принципа фальсифицируемости» является наиболее мягкой, так как она связывает опровержение теории с фактами, которые представляют собой фундаментальные и очевидные свидетельства ее полной или хотя бы частичной неистинности. Здесь еще не говорится (во всяком случае, прямо) о том, что любая теория (или отдельное научное положение) вследствие неизбежной ограниченности своего эмпирического основания является в принципе опровержимой, т. е., в сущности, неистинной. К этому, более категорическому, выводу Поппер приходит позже. Через десяток лет после опубликования своего главного труда он формулирует тезис фальсификационизма проще и определеннее: «...научные положения в той мере, в какой они относятся к миру опыта, должны быть опровергаемы»³. А еще через 12 лет Поппер высказывает свой принцип с такой безапелляционной прямоотой, которая граничит с откровенным цинизмом, разумеется, «гносеологическим»: «Теория, которая не может быть опровергнута каким бы то ни было мыслимым событием, ненаучна. Неопровержимость есть не достоинство теории (как часто думают), а ее недостаток»⁴. Ссылка на «мыслимое событие» несколько не смягчает совершенно неоправданную категоричность этого положения, поскольку его смысл заключается в том, что все теории обязательно будут опровергнуты.

Таким образом, понятию неопровержимости Поппер придает буквально однозначный смысл. Неопровержимыми, с его точки зрения, являются лишь такие учения, которые находятся по ту сторону опыта, утратили связь с ним. Но если теории не связаны с опытом, не проверяются опытом, то они, конечно, ненаучны, неистинны. И называть их неопровержимыми опытом совершенно неправильно. Мы видим, что Поппер фактически не разъясняет вводимого им понятия опровергаемости, хотя оно существенно отличается от общепринятого в науке. Далее мы подробнее остановимся на этом вопросе. Пока же отметим, что здесь налицо подмена диалектики абсолютным релятивизмом, который истолковывает приблизительность наших знаний как их фактическую неистинность.

Известно, что диалектика характеризуется гибкостью, подвижностью понятий, их переходом, переливом друг в друга. Что же касается абсолютного релятивизма, то он отрицает относительную противоположность между истиной и заблуждением и, возрождая точку зрения гносеологического скептицизма, отрицает существование критерия истины вообще. «Критические рационалисты» оказываются, таким образом, противниками диалектики, несмотря на то что они вплотную подходят (но конечно, с идеалистических позиций) к ее проблематике. Относительность, конкретность истины истолковываются ими как ее принципиальная опровергаемость. Истина сводится к мнению, верованию и тем самым, по существу, отвергается, несмотря на всякого рода оговорки.

Поппер пишет, что античные философы наивно противопоставляли истину (эпистема) мнению (докса), между тем как последующее развитие науки будто бы показало, что все научные истины не более чем мнения. Он заявляет: «Мы никогда не имеем достаточных оснований для веры в то, что мы достигли истины... Пользуясь языком Платона и Аристотеля, можно сказать, что мы добились в науке лишь «мнения»... Больше того, это значит, что в науке (исключая, разумеется, чистую математику и логику) мы не имеем доказательств»¹. Поппер не задумывается над тем, что если согласиться с его точкой зрения, то и его собственная концепция строгой научности превращается в такое же мнение.

Сведение научной истины к мнению, какими бы оговор-

ками оно ни сопровождалось, направлено на обоснование плюрализма в теории познания. Гносеологический плюрализм пытается обосновать тезис, согласно которому, любому научному положению, поскольку оно представляет собой лишь мнение, убеждение ученого, может (и более того, должно) быть противопоставлено какое-либо другое, столько же правомерное положение, мнение. Конечно, мнение, поскольку оно остается всего лишь мнением, постоянно оспаривается другим мнением, не говоря уже о том, что оно может вступать в конфликт с фактами и тем самым опровергаться. Однако вопреки убеждению Поппера не опытный характер научных положений делает их субъективными убеждениями, или, пользуясь терминологией Поппера, верованиями, мнениями: они становятся таковыми вследствие неправильного, главным образом субъективистского, истолкования данных опыта.

Поппер, как мы уже отметили, не считает необходимым подвергнуть гносеологическому анализу понятие фальсифицируемости (опровергаемости), несмотря на то что пересматривает его общепринятое содержание. Единственная, правда, существенная оговорка, которой сопровождается разъяснение принципа фальсифицируемости, состоит в указании на то, что «строго экзистенциальные предложения не являются фальсифицируемыми»⁶. Это значит, что Поппер не собирается опровергать утверждение, констатирующее отдельный факт, например, его, Поппера, существование. Более обстоятельное разъяснение понятия фальсифицируемости он отвергает как попытку возродить схоластическую традицию, согласно которой все применяемые термины должны быть строго определены⁷.

Таким образом, понятию опровержения придается парадоксальный смысл. Достаточно, полагает Поппер, одного единственного факта, чтобы опровергнуть теорию, обобщающую сколь угодно обширный фактический материал. Но что же в таком случае означает подтверждение данной теории бесчисленными фактами? Ведь подтверждающие теорию эмпирические данные не могут быть сброшены со счета на том основании, что они не свидетельствуют в пользу ее применимости к тому единственному факту, который с ней не согласуется. Ясно, что этот, пусть и единственный, «упрямый» факт не должен быть оставлен без внимания. Тео-

рия, столкнувшаяся с противоречащими ей эмпирическими данными, должна быть в чем-то уточнена, возможно, ограничена в своем применении или развита в новом направлении. Таковы разумные гносеологические выводы, которые задолго до Поппера были сделаны естествоиспытателями, но которые он, по сути дела, игнорирует.

Стоит подчеркнуть, что К. Поппер не разграничивает опровержения отдельных положений научной теории от ее опровержения в целом. Как справедливо отмечает А. В. Панин, данный органический порок фальсификационизма указывает на то, что научные теории представляют собой сложную систему и это «превращает проблему их фальсифицируемости в совершенно особый вопрос, решение которого, если оно существует, радикально отлично от решения проблемы фальсифицируемости отдельных положений науки»³.

Ф. Энгельс, раскрывая отношение между научной теорией и противоречащими ей фактами, ссылаясь на закон Бойля, «согласно которому объем газа при постоянной температуре обратно пропорционален давлению, под которым находится газ. Реньо нашел, что этот закон оказывается неверным для известных случаев. Если бы Реньо был «философом действительности» (имеется в виду Е. Дюринг. — Т. О.), то он обязан был бы заявить: закон Бойля изменчив, следовательно, он вовсе не подлинная истина, значит — он вообще не истина, значит, он — заблуждение... Но Реньо, как человек науки, не позволил себе подобного ребячества; он продолжал исследование и нашел, что закон Бойля вообще верен лишь приблизительно; в частности, он неприменим к таким газам, которые посредством давления могут быть приведены в капельно-жидкое состояние... Таким образом, оказалось, что закон Бойля верен только в известных пределах»². Но это не означает, что он опровергнут.

В результате Поппер оказался в положении Дюринга, метафизически противопоставлявшего истину заблуждению, хотя Поппер в отличие от «философа действительности» стирает различия между этими противоположностями. Крайности сходятся. А приведенный пример поучителен в том отношении, что он выявляет несостоятельность претензий Поппера и попперианцев на новые теоретико-познавательные выводы из современного естествознания.

Диалектический материализм еще в середине прошлого

века доказал, что любое корректно сформулированное научное положение относится не ко всем, а к определенному кругу фактов, который не всегда может быть очерчен заранее. Научное положение, подтверждаемое в известных границах, истинно даже в том случае, если устанавливаются противоречащие ему факты, осмысление которых лишь помогает уточнить это положение.

В. И. Ленин, развивая марксистское учение об истине, писал, что «пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания»¹⁰. Это положение диалектически подытоживает историю науки, в то время как фальсификационизм Поппера представляет собой субъективистско-агностическую интерпретацию гносеологической закономерности, открытой марксизмом. Между тем Поппер не считает нужным сослаться на К. Маркса. Он претендует на открытие, которое чуть ли не опровергает марксизм (последнему приписывается абсолютизация понятия истины). Все это необходимо подчеркнуть, в частности, потому, что некоторые марксисты видят в «принципе фальсифицируемости» Поппера существенный вклад если не в философию, то, во всяком случае, в современную логику. Им, по-видимому, не приходит в голову, что момент истины, который содержится в попперовском принципе, был давно уже установлен и адекватно сформулирован диалектическим материализмом. Попперу принадлежит, да и то с известными оговорками, лишь экстравагантная форма изложения этой частицы истины. Эта экстравагантность выражения, характеризующая «принцип фальсифицируемости», и принесла Попперу широкую, отчасти даже скандальную, известность.

Отметим, что задолго до Поппера «принцип фальсифицируемости» был, по сути дела, сформулирован Ф. Ницше, который в отличие от Поппера занимался не методологией научно-исследовательского поиска, а третьированием науки с позиций иррационалистической «философии жизни».

Ницше утверждал то, что попперианцы выдают ныне за свое собственное открытие: мир «не есть нечто фактическое, но лишь толкование и округление скудной суммы наблюдений; он «течет», как нечто становящееся, как постоянно изменяющаяся ложь, которая никогда не приближается к истине: ибо — никакой «истины»

нет» (Ницше Ф. Полн. собр. соч. — Т. IX. — М., 1910. — С. 294). Поппер и его сторонники выражают эти же нигилистические убеждения в наукообразной форме.

Фальсификационизм Поппера с неизбежностью приводит к отрицанию различия между научной теорией, получившей многократные экспериментальные подтверждения, проверенной на практике, например, путем ее технологического применения, и гипотезой. «Все теории, — пишет Поппер, — являются гипотезами; все они могут быть опровергнуты, опровергнуты»¹¹. Приведенное положение, составляющее ядро фальсификационизма, которому Поппер остался в принципе верен, несмотря на все попытки смягчить его чрезмерную категоричность, имеет своим логическим выводом тезис о неприменимости понятия истины к научным (фальсифицируемым, согласно Попперу) положениям.

Западногерманские ученики Поппера Г. Альберт и Г. Ленк доводят до логического конца основную тенденцию фальсификационизма. Разграничение между доказанными теориями и гипотезами, которого придерживается естествознание, объявляется ими догматическим. Не существует, утверждают они, оснований для такого разграничения. Отсюда следует заключение, которое и делает Г. Ленк: «Если все эмпирическое знание оказывается гипотетическим, подлежащим исправлению, предварительным, временным, то никто не знаком с госпожой истиной»¹². Оговорки, которые Ленк, подобно Попперу, делает относительно чистой математики и логики, не свидетельствуют о том, что в этой области знаний применимость понятия истины не оспаривается. С точки зрения «критического рационализма» (в этом пункте он полностью примыкает к неопозитивизму, абсолютно противопоставляющему математику эмпирическому научному знанию) в сфере математики и логики не существует ни истинного, ни ложного. Здесь есть лишь логически правильные или неправильные, нарушающие правила логики заключения, которые дедуцируются не из фактов, а из посылок. Субъективистски интерпретируя специфику математического знания, «критические рационалисты» утверждают, что математика, как и логика, лишь выявляет посредством дедукции мыслимое содержание принятых посылок, вследствие чего получаемые знания носят чисто аналитический,

по существу, тавтологический характер. Поэтому-де математические выводы только выявляют уже имеющее знание путем придания ему специфической инструментальной формы.

Итак, если неопозитивисты полагали, что понятие истины может относиться исключительно к высказываниям о фактах, установленных на основании чувственных данных, то «критические рационалисты», отвергая верификационизм, утверждают тем самым, что подтверждаемость научного положения, как бы далеко она ни простиралась, не дает основания для признания его истинным. Наличие множества подтверждений ничего не дает для определения статуса научных положений по сравнению с немногими подтверждениями.

Понятие подтверждаемости не анализируется Поппером. То обстоятельство, что существуют различные уровни обоснования научных положений (повседневный опыт, инструментальное наблюдение, эксперимент, технологическое применение и т. д.), игнорируется. А так как опровергаемость научного положения не свидетельствует в пользу его истинности, то понятие истины фактически исключается из научной теории.

Как отмечает Г. И. Рузавин, Поппер, обсуждая проблему проверки научных теорий, «совершенно не касается их практического применения. Даже в том случае, когда он говорит об их использовании для предсказаний, эти предсказания служат лишь для проверки теорий» (Рузавин Г. И. Научная теория. Логико-методологический анализ. — М., 1978. — С. 204). Игнорирование практики — действительного критерия истины — объясняется тем, что Поппер, подобно иррационалистам, не видит необходимой связи и определенного соответствия между практическими, в частности научно-техническими, достижениями и познанием объективной реальности, существования которой он не отрицает.

Такова объективная логика философского скептицизма, сколь бы ни была «позитивна» форма ее изложения. Как остроумно однажды заметил В. Виндельбанд, «кто доказывает релятивизм, тот опровергает его»¹³, ибо если, как утверждают попперианцы, все эмпирические высказывания опровержимы, то это, разумеется, относится и к положению

о фальсифицируемости всех эмпирических высказываний.

Главное, что приводит «критический рационализм» к теоретическому самоубийству, — это отрицание гносеологического принципа отражения. «Всякая физическая теория, — пишет Ленк, — является сложной комплексной системой гипотез, которая никоим образом не отражает действительности»¹⁴. Что же составляет в таком случае содержание физической теории? Что описывают открываемые физикой законы? На эти вопросы Ленк отвечает однозначно: физические теории — «созданные людьми инструменты познания»¹⁵. Какое знание о реальном мире дают эти «инструменты»? Гипотетическое, оказывающееся в конечном счете незнанием, полагает Ленк. И это не просто его личное, так сказать, оригинальное убеждение. Это идейная позиция, которую в основном разделяют все представители «критического рационализма».

Другой западногерманский адепт «критического рационализма», К. Хюбнер, выражает то же умонастроение еще более безапелляционно: «Как бы ни диковинно это могло звучать для некоторых ушей, я не вижу теоретической возможности разграничить миф и науку и сказать что-либо в том смысле, что греки пребывали в заблуждении, в то время как мы обрели истину. Не существует такой познаваемой действительности, которая могла бы служить *Tertium Comparationis* между мифом и наукой, и мы всегда живем лишь в уже интерпретированном мире, каким бы он ни был, мифическим или научным».

Принцип фальсифицируемости Поппера вызвал длительную и оживленную дискуссию, в которой активно участвовали не только философы, но и естествоиспытатели. Основной тезис фальсификационизма, утверждающий, что научная теория должна быть отвергнута, коль скоро обнаруживается какой-либо факт, существование которого она исключала, был оценен как явное искажение действительной истории наук. Как отмечает И. С. Нарский, Поппер «был вынужден признать, что, если теория, которая пока хорошо служит науке, сталкивается с единичным (и даже единственным) контрпримером, пожертвовать надо не теорией, но именно этим фальсифицирующим примером»¹⁶. Во втором издании «Логики исследования», вышедшем в английском

переводе в 1959 г., Поппер несколько смягчает наиболее экстравагантные выводы, вытекающие из его принципа. Это сделано частично в предисловии, частично в многочисленных приложениях к основному тексту монографии¹⁷. Ряд попыток «уточнить», сделать более приемлемым принцип фальсифицируемости предпринял Поппер и в последующих публикациях. Так, в книге «Объективное знание» он неоднократно заявляет, что задача науки заключается в том, чтобы искать истину, разрабатывать такие теории, которые были бы более истинными, чем существующие. «В науке мы ищем истину»¹⁸, — пишет он. Поппер солидаризируется с выдающимся польским логиком А. Тарским, подчеркивая, что последний реабилитировал понятие истины как соответствия между высказыванием и реальностью в то время, когда такое понимание истины казалось сомнительным¹⁹.

Как же согласуется отстаивание фальсификационизма (от которого Поппер не думает отказываться) с признанием истины как цели и в известной степени содержания научных теорий. Ведь истина лишь в той мере является истинной, в какой она не противоречит фактам, а согласуется с ними. Поппер признает это положение, разъясняя вслед за А. Тарским, что «истина есть соответствие фактам (или реальности) или, более точно, что теория истинна, если, и только если, она соответствует фактам»²⁰. Разрешение этого явно неразрешимого противоречия, существующего, правда, лишь в рамках фальсификационизма, Поппер находит в утверждении, что наука ищет истину, а находит... правдоподобие.

Понятие правдоподобия (*verisimilitude* или *truthlikeness*) призвано преодолеть характерное для фальсификационизма сведение истины к мнению, верованию. Правдоподобие есть, так сказать, подобие истины, некое приближение к последней, которая, таким образом, выступает в качестве идеала познания. Понятие правдоподобия представляется Попперу чем-то вроде критической замены традиционного и якобы некритического понятия истины. «Таким образом, — пишет Поппер, — поиск правдоподобия есть более ясная и более реалистическая задача, чем поиск истины. Впрочем, я намерен показать и нечто большее. Я намерен показать, что в то время, как мы не можем когда-либо обладать достаточно хорошими аргументами в эмпирических науках, дабы

претендовать на то, что мы фактически достигли истины, мы можем иметь строгие и разумные аргументы для наших притязаний на то, что мы можем осуществлять прогресс в направлении к истине...»²¹. Истина, таким образом, превращается в недосыгаемый идеал.

Если в первоначальном варианте фальсификационизма, по существу, отвергался научный прогресс, так как вся история науки сводилась к постоянно совершающейся дискредитации имеющихся теорий, то в модифицированном фальсификационизме в известной мере допускается научный прогресс, хотя он и сводится главным образом к совершенствованию, уточнению наличных теорий, в то время как его важнейшим критерием является открытие, исследование, познание ранее не известных явлений, законов.

Стремясь примирить субъективистскую интерпретацию знания с действительным, объективным по своему содержанию развитием наук, Поппер разработал концепцию «третьего мира», который в отличие от сферы физического и психического («первый» и «второй» миры, по терминологии Поппера) представляет собой хотя и созданный людьми, но уже независимый от них мир идей, теорий, логических конструкций. «Можно даже допустить, — отмечает Поппер, — что третий, созданный человеком, мир является вместе с тем в весьма определенном смысле сверхчеловеческим миром. Он трансцендирует по отношению к его создателям»²². По мнению Поппера, воздействие «третьего мира» «стало более важным для нашего развития ((growth) и для его собственного развития, чем наша созидательная деятельность по отношению к этому миру»²³.

Здесь нет необходимости входить в рассмотрение этой теории, созданной для прикрытия несостоятельности субъективистской и агностической концепции познания. Укажем лишь, что понятие автономного «третьего мира», в рамках которого, согласно Попперу, совершается развитие науки, еще более искажает понятие истины, которое прежде всего предполагает (как это вынужден был признать и сам Поппер) соответствие человеческих представлений предметам внешнего мира, природы.

Таким образом, фальсификационизм Поппера и его сторонников является эклектической идеалистической теорией, пытающейся соединить несоединимое: отрицание возможно-

сти истины с признанием ее необходимости, отрицание прогресса в науке (поскольку каждая научная теория неизбежно-де будет опровергнута) с признанием развития науки, умножения научных знаний. Однако действительное отношение «критического рационализма» к науке постоянно дает о себе знать. Недаром Поппер, несмотря на все свои оговорки, все же признает: «...для нас наука не имеет ничего общего с поисками достоверности, вероятности или надежности»²⁴. В этом признании суть фальсификационизма.

«КРИТИЧЕСКИЙ РАЦИОНАЛИЗМ» И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НЕФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

Можно было ожидать, что несовместимость фальсификационизма (в том числе его смягченного варианта) с действительными достижениями науки будет осознана прежде всего представителями естествознания, субъективистской интерпретацией которого занимается «критический рационализм», несмотря на все оговорки относительно подлинной научности. Но в современном буржуазном обществе, в котором утонченный идеализм (особенно гносеологического толка) является единственно респектабельной интеллектуальной позицией, это оказалось невозможным. Отсюда становится понятным, почему некоторые сформировавшиеся в этой идеологической атмосфере ученые восприняли попперовскую ревизию понятия истины как действительное открытие и ниспровержение еще одного метафизического идола. Так, известный математик Д. Пойа пишет: «Строго говоря, все наши знания за пределами математики и доказательной логики (которая фактически является ветвью математики) состоят из предположений... Есть в высшей степени достойные и надежные предположения, например, те, которые выражены в некоторых общих законах физики»¹.

То обстоятельство, что в математике, которой занимается Пойа, понятие истины, поскольку оно не относится к физическим объектам, обладает специфическими, еще недостаточно исследованными в гносеологии характеристиками, едва ли может объяснить его философскую позицию так же, как и его оценку положений физики как в лучшем случае прав-

доподобных (plausible). Пойа, по существу, умаляет объективное содержание физических знаний. Акцент делается на субъективной стороне научных положений, которые характеризуются лишь как убеждения, принимаемые большинством компетентных исследователей.

Рассуждения, вдохновленные попперовской концепцией правдоподобия, подменяющего понятие истины, должны быть, по-видимому, принципиально неприемлемы для физиков, химиков и других естествоиспытателей, которые едва ли могут согласиться с утверждением, что законы природы, открытые естествознанием и постоянно проверяемые на практике, являются не более чем оправданными теоретическими допущениями. Современное естествознание имеет достаточно оснований для разграничения доказанных положений и гипотез. Это разграничение носит не только теоретический характер, поскольку практика, применяя естественнонаучные положения, постоянно удостоверяет, что они включают в себе объективно-истинное отражение природных процессов и закономерностей, благодаря которому, собственно, и возможна плодотворная практическая деятельность в условиях современной научно-технической революции. И тем не менее проводимая «критическим рационализмом» девальвация категории истины проникла и в некоторые специальные естественнонаучные исследования. Иными словами, в новых исторических условиях повторилась ситуация, которую критически анализировал В. И. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм», отмечая появление в естествознании, несомненно, под непосредственным влиянием идеалистической философии Э. Маха и Р. Авенариуса «физического» идеализма. Так, в наши дни видный английский астрофизик Г. Бонди пишет: «Не прекращаются споры о том (я никогда не понимал этих споров и не участвовал в них), имеет ли вообще какое-либо отношение к науке слово «истина». Сам я склоняюсь к тому, что наука никогда не имеет дела с истиной...»²

Бонди соглашается с принципом фальсификации Поппера и, подобно ему, приходит к выводу, что «если один эксперимент или наблюдение противоречит теории, то теория должна быть отвергнута»³. Из этого общего принципа, который вследствие его абстрактности и мнимой универсальности является несостоятельным, Бонди делает и некоторые

частные выводы вроде того, что теория тяготения И. Ньютона, несмотря на ее бесчисленные подтверждения, «в конце концов оказалась опровергнутой. Несостоятельность теории была выяснена только тогда, когда примерно двести лет спустя после ее появления удалось произвести чрезвычайно точные и тонкие измерения. Реально несостоятельность теории тяготения Ньютона означает лишь то, что мы не можем ожидать от этой теории исчерпывающего описания поведения сил тяготения во всех случаях»⁴.

Последняя фраза Бонди наглядно свидетельствует о его гносеологической наивности. Ни от одной теории не следует ожидать «исчерпывающего описания»; ни один теоретик не должен претендовать на решение такой задачи, т. е. на достижение абсолютного знания в какой-либо области. Бонди это сознает и считает ненаучной теорию, претендующую на то, чтобы «объять все». Такая теория была бы, правильно замечает он, бесполезно жесткой, исключаяющей новые открытия, между тем как действительно научная теория должна быть открыта для новых выводов, сделанных путем исследования ранее не известных фактов и т. д. Все это так, но к чему же тогда утверждать, что понятие истины неприменимо к научным положениям, что теория тяготения Ньютона опровергнута? Очевидно, Бонди так же, как и Поппер, на которого он ссылается, не способен освободиться от метафизического подхода к проблеме истины, согласно которому относительная истина не является, в сущности, истинной, поскольку она ограничена в своих пределах.

Бонди, пытаясь сочетать антинаучную концепцию фальсификационизма со своей научной совестью, постоянно задушивает самого себя и в результате высказывает положение, которое опровергают его неправильные утверждения. «Если теория, — пишет он, — прошла достаточно серьезную проверку, мы можем быть уверены в том, что существует некоторая область знания — эмпирического знания, — которая вполне адекватно описывается этой теорией»⁵. Почему же в таком случае эту теорию нельзя называть истинной, имея, конечно, в виду относительный характер всякого научного знания, а следовательно, и истины?

Гносеологические зловключения Бонди убедительно показывают, какой вред наносит естествознанию «критический

рационализм», несмотря на то что его создатели довольно компетентные в вопросах естествознания люди. Э. Мах, как известно, был одним из выдающихся физиков своего времени, что, увы, не помешало ему стать создателем субъективно-идеалистической философии, усугубившей методологический кризис естествознания. «Философия естествоиспытателя Маха, — писал В. И. Ленин, — относится к естествознанию, как поцелуй христианина Иуды относился к Христу. Мах точно так же предает естествознание фидеизму, переходя по существу дела на сторону философского идеализма»⁶. Эта характеристика полностью применима к Попперу и его последователям. Поппер, пожалуй, идет даже дальше Маха, который враждебно относился к фидеизму. Что касается Поппера, то он рассматривает свое учение как преодоление противоположности между наукой и... религией. Отныне, заявляет он, «девятнадцативековой конфликт между наукой и религией представляется мне преодоленным. Поскольку некритический рационализм является несостоятельным, решение проблемы не может быть выбором между знанием и верой, но лишь между двумя видами веры»⁷.

Тот факт, что «критический рационализм», столь наивно воспринятый Бонди, означает нигилистическое отрицание непреходящих достижений науки, заслуживает особого рассмотрения, так как в нем непосредственно выявляется не только методологический, но и мировоззренческий смысл субъективистских попыток дискредитации понятия истины. Представление о несостоятельности (разумеется, с точки зрения «критического рационализма») механики Ньютона было высказано в наиболее категорической форме сторонником концепции Поппера — Т. Куном, писавшим, что «теория Эйнштейна может быть принята только в случае признания того, что теория Ньютона ошибочна»⁸. Кун вынужден был, однако, признать, что его убеждение разделяется лишь немногими учеными. И это понятно, поскольку, по существу, речь идет об оценке не только классической механики, но и всей предшествующей науки в той мере, в какой ее достижения превзойдены современными научными открытиями, которые, в свою очередь, будут, по-видимому, превзойдены наукой завтрашнего дня. Вот почему принципиально важно правильное, диалектико-материалистическое осмысление истории науки, которое, несомненно, включает

в себя категорию отрицания, но в ее позитивном, диалектическом понимании.

Такое понимание истории науки в противовес «критическому рационализму» обосновывается не только философами-марксистами, но и естествоиспытателями, не являющимися сознательными сторонниками диалектического материализма. Так, западногерманский физик В. Вайскопф прямо противопоставляет научное понятие исторической преемственности вульгарному революционаризму «критических рационалистов», считающих главным признаком научного прогресса разрушение предшествующих достижений науки. «Теория относительности, — пишет он, — не устраняет механику Ньютона — орбиты спутников все еще рассчитываются по ньютоновской теории, — она расширяет область применения механики на случай высокой скорости и устанавливает общую значимость одних и тех же концепций для механики и теории электричества»⁹.

Советские естествоиспытатели, сознательные сторонники диалектического материализма, гносеологически осмысливая историю науки, развивают научно-философское понимание соотношения между относительной и абсолютной истиной. Они не противопоставляют эволюционизм «революционаризму», как это делает Вайскопф, а вскрывают единство эволюционной и революционной форм развития научного знания. В этой связи можно указать на статью В. Л. Гинзбурга «Как развивается наука?», в которой критически оценивается книга Т. Куна «Структура научных революций»¹⁰. Заблуждения Куна объясняются не недостаточным знанием и пониманием физики. Вспомнив о приведенных выше высказываниях Бонди, научную компетентность которого едва ли допустимо поставить под вопрос, можно сделать вывод, что ошибочные воззрения «критических рационалистов» на историю естествознания проистекают не из их некомпетентности в последнем, а из определенной философской позиции, в частности, из субъективистски-агностического истолкования опровержения как исследовательской процедуры. Даже такой

Во избежание недоразумений следует подчеркнуть, что современная физика не только ограничила сферу применения теории Ньютона, уточнила, конкретизировала те или иные ее положения. Некоторые фундаментальные положения его учения были действ-

тельно опровергнуты. С. И. Вавилов пишет: «Ньютоновская картина пространства как пустогоместилища, в котором расположено вещество, ньютоновское представление о времени как о чистом движении без материи в учении Эйнштейна были объявлены лишёнными смысла» (Вавилов С. И. Ленин и современная физика. — М., 1977. — С. 66). Это не единственное положение механики Ньютона, опровергнутое современной физикой.

выдающийся физик, как Р. Фейнман, солидаризируется с фальсификационизмом Поппера в книге «Характер физических законов». Не будучи приверженцем абсолютного релятивизма, Фейнман тем не менее в своих методологических рассуждениях приближается к воззрениям Поппера. «У нас, — пишет он, — всегда есть возможность опровергнуть теорию, но обратите внимание, мы никогда не можем доказать, что она правильна»¹¹. Насколько нам известно, Р. Фейнман не воспользовался возможностью опровергнуть теорию относительности, квантовую механику и другие достижения современной физики. Что же имеет он в виду, в чем суть его высказывания? Только в том, что ряд экспериментов, подтверждающих удачную гипотезу, никогда не может быть завершён. Однако это обстоятельство следует истолковывать лишь как ограниченность теории, которая только приблизительно отражает действительность. Если новые эксперименты не подтвердят этой теории, то они укажут тем самым на область явлений, к которым она неприменима. Ведь новые эксперименты обычно не опровергают старых экспериментов: они могут лишь опровергнуть их интерпретацию.

Таким образом, Фейнман, правильно отрицая неприменимость к научной теории эпитета «абсолютно истинная», формулирует свою мысль некорректным образом. Настаивая на том, что подтверждения теории экспериментами недостаточно для ее доказательства, Фейнман полагает, что это подтверждение доказывает лишь то «вам не удалось ее опровергнуть»¹². При этом надо заметить, что если следовать такой логике, то и собственная методологическая концепция Фейнмана так же ненадежна, как и те, которым она противопоставляется. Между тем анализ понятия опровержимости делает очевидным, что движение научного позна-

ния принципиально несводимо к опровержению каждой новой теории.

Как известно, большинство новых теорий встречается в штыки сторонниками старых теорий. Однако попытки опровергнуть действительные достижения познания не увенчиваются успехом. Опровергаются лишь заблуждения. Универсализация идеи опровержения, составляющая важнейшее содержание «критического рационализма», ставит перед наукой поистине несовместимую с ее назначением задачу опровержения истины, которая заведомо объявляется недостижимой. Вместо действительной диалектики истины и заблуждения получается сведение истины к заблуждению. Таким образом, нас пытаются уверить, что утверждение об истинности некоторого суждения не может быть истинным. Истинным может быть лишь утверждение, что это суждение неистинно. Но ведь и в этом случае некоторое суждение признается истинным. К сожалению, Р. Фейнман не видит, в какой тупик приводит собственная логика фальсификационизма, логика, которую К. Поппер и его сторонники навязывают науке.

Можно согласиться с Фейнманом, когда он подчеркивает первостепенное значение научной критики, критического отношения к научным положениям, необходимости поиска «отрицательных инстанций», т. е. данных опыта, наблюдения, экспериментов, которые не подтверждают данной теории или отдельных ее положений. Несомненная эвристическая ценность такой установки очевидна хотя бы из того, что невозможно заранее, т. е. до исследования, определить, где кончается истина и начинается заблуждение. Больше того, у истины «не написано на лице», что она истина, а заблуждение нередко выглядит как очевиднейшая истина. Тем не менее нельзя сводить задачу научного исследования к опровержению существующей теории (или теорий). А. Эйнштейн вопреки убеждению Фейнмана не опроверг Ньютона. И пафос научного поиска весьма односторонне выражается американским физиком, когда он заявляет: «Мы стараемся как можно скорее опровергнуть самих себя, ибо это единственный путь прогресса»¹³. Это заявление насчет единственности пути научного прогресса, заявление, отвергающее всякую альтернативу, является, на наш взгляд, опрометчивым и даже догматическим. Было бы неплохо,

если бы Фейнман, следуя сформулированному им категорическому императиву, постарался как можно скорее опровергнуть провозглашенную им формулу абсолютного релятивизма (скептицизма), которая, кстати сказать, явно не согласуется с другими его высказываниями.

Мы несколько подробнее, чем может показаться необходимым, остановились на методологических воззрениях Р. Фейнмана, во-первых, потому, что они высказаны выдающимся естествоиспытателем, лауреатом Нобелевской премии; во-вторых, потому, что эти воззрения, по-видимому, отражают реальные противоречия исторического развития научного познания; в-третьих, потому, что такого рода воззрения получили широкое распространение в современной западноевропейской и американской «философии науки», в особенности под влиянием работ Т. Куна, П. Фейерабенда, И. Лакатоша, С. Тулмина и ряда других теоретиков-методологов, получивших широкую известность и в среде советских ученых, занимающихся методологической проблематикой.

В противовес субъективистскому истолкованию содержания и достижений научного знания диалектический материализм систематически обосновывает объективную истину, которую постигают науки в ходе своего исторического развития. Разумеется, объективные истины, содержащиеся в науках, не являются неприкосновенными, священными, они подвергаются дальнейшему испытанию, вновь подтверждаются, нередко подвергаются коррекции, обогащаются новым содержанием или, напротив, ограничиваются в своем значении. Научный прогресс означает умножение установленных научных истин и исключение не выдержавших испытания положений. При этом, конечно, имеет место и опровержение некоторых научных положений, которые были общепринятыми истинами, но оказались всего лишь общепринятыми заблуждениями. Бывает и так, что положения, отвергавшиеся большинством исследователей как явные заблуждения, оказываются благодаря новым, более успешным исследованиям истинами или по меньшей мере предвосхищениями последних. Все это свидетельствует о фундаментальном характере принципа объективности истины, который был в систематизированном виде разработан в трудах В. И. Ленина.

Научный прогресс означает и совершенствование методов, способов, процедур проверки, корректирования результатов исследования. Когда Ф. Энгельс писал, что наука в собственном смысле слова начинается со времени коперниковского переворота в астрономии, т. е. с эпохи освобождения научного исследования от теологической опеки, от духовной диктатуры церкви, он, по-видимому, имел в виду становление научной строгости, предполагающей, что наука без вмешательства извне решает подлежащие ее ведению вопросы. Наука зарождается уже в древности, и некоторые выдающиеся открытия в математике, астрономии были сделаны в те далекие времена. Вот почему замечание Ф. Энгельса относительно возникновения собственно науки на заре Нового времени может быть понято как указание на возникновение систематического, критически оценивающего свои посылки и результаты научного исследования. И в этом смысле положение Ф. Энгельса приобретает важное методологическое значение, так как указывает на то, что самокритика является способом существования подлинной науки.

Мы говорим о возникновении научного подхода, поскольку эпоха Возрождения была лишь началом того исторического процесса, который не может остановиться на достигнутых результатах. Последующие этапы развития науки представляют собой непрерывное совершенствование способов исследования и испытание его результатов. При этом, конечно, особо важную роль играет применение достижений науки на практике, развитие научно обоснованной, в частности научно-технической, практики, к которой вполне применимо известное положение В. И. Ленина: «**Практика выше (теоретического) познания**, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности»¹⁴. Само собой разумеется, что речь в данном случае идет не о всякой практике, но лишь о той, которая впитала в себя достижения теоретического познания и нашла пути их эффективного применения в деятельности людей.

Таким образом, науки становятся все более строгими, и это относится не только к так называемым точным наукам. Между тем «критические рационалисты», игнорируя и даже искажая этот реальный исторический процесс действительного совершенствования научного исследования и все большего обеспечения его надежности, осуществляют субъ-

ективистски-агностическую ревизию самого понятия научности. Показательно в этом отношении заявление Т. Куна, который, сопоставляя аристотелевскую динамику и теорию флогистона, с одной стороны, и современное естествознание — с другой, заключает, что эти «некогда общепринятые концепции природы не были в целом ни менее научными, ни более субъективистскими, чем сложившиеся в настоящее время»¹⁵. Выходит, если согласиться с Куном, уровень научности остается неизменным во все исторические эпохи. Сколь бы ни умножались результаты научного исследования, как бы ни совершенствовались технические средства науки, ее методологический аппарат, достоверность научных результатов нашего времени не превосходит достоверности научных знаний любой предшествующей эпохи. Таково одно из основных положений современного абсолютного релятивизма, который не следует смешивать с диалектическим принципом относительности (релятивности) научных знаний, органически присущим диалектико-материалистической методологии.

Приведенный тезис Куна есть модификация основоположения «критического рационализма», согласно которому принципиально невозможно надежное, в основном сохраняющее свою истинность (следовательно, в основном неопровержимое) научное положение. Между тем признание непреходящей истинности известных результатов развития науки принципиально неотделимо от самой сущности науки. «...Всякая логически замкнутая теория, верность которой была с известной степенью точности экспериментально доказана, никогда не терит своего значения, — писал Л. Д. Ландау, — и всякая более точная последующая теория охватывает ее как приближенный результат, справедливый в некоторых частных случаях»¹⁶.

С этой критической, но вместе с тем позитивной оценкой достижений науки не согласны сторонники «критического рационализма», черпающие аргументацию не из науки, а из ее идеалистической интерпретации. Всякое обоснование научного положения, утверждает Поппер, предполагает движение от ближайшего основания ко все более отдаленному, все менее достоверному. И поскольку всякое обоснование само нуждается в обосновании, получается бесконечный процесс. А это в конечном счете означает, что

обоснованность любого научного положения оказывается, в сущности, совершенно фиктивной. Поппер пишет, что наука «создает свои построения на базе науки вчерашнего дня, а последняя — на базе науки позавчашнего дня и т. д.; наука же древности основывается на донаучных мифах, а эти в конечном счете на древнейших ожиданиях. Онтогенетически мы приходим, таким образом, к поворожденному, филогенетически... к одноклеточному организму. Получается, так сказать, что от амебы до Эйнштейна всего лишь один шаг»¹⁷. С этой точки зрения любое рациональное воззрение, как и любое осмысленное рациональное действие, основывается на иррациональных посылках. Иными словами, не может быть рационально обоснованных идей или действий. А отсюда следует вывод, который формулируется Поппером с недвусмысленной прямотой: «...поиск уверенности, поиск достоверной основы познания должен быть прекращен»¹⁸. Нетрудно понять, что эта концепция имеет не только (пожалуй, даже не столько) гносеологический, сколько социологический, социально-политический характер. Ее обычно называют десизионизмом (от англ. decision — «решение»), т. е. теорией принятия решений, иррационалистические посылки которой очевидны.

Несостоятельность формулируемого Поппером постулата принципиальной необосновываемости научных положений заключается в допущении неизбежности бесконечной цели обоснований. Этой лишь мыслимой (и скажем словами Гегеля — дурной) бесконечности не существует ни в познании, ни в объективной действительности. Исследование взаимосвязи, взаимодействия явлений, анализ причинно-следственных отношений, закономерностей, определяющих те или иные процессы, обосновывают их научное описание. Объяснение явлений, поскольку оно подтверждается в рамках существующей системы знаний, проверяется экспериментально, на практике, позволяет предвидеть еще неизвестные явления, овладевать природными процессами, как это имеет место в общественном производстве.

Конечно, обоснование должно быть обоснованным, но для этого нет необходимости восстанавливать уходящую в бесконечность цепь событий прошлого, которое не детерминирует вопреки утверждению Поппера все, что существует в объекте так же, как и то, что в нем познано. Поскольку уже

существует наука как система знаний и способов исследования, существует и возможность эффективно проверять обоснованность научных положений. И эта обоснованность (разумеется, в границах объективной относительности истины) достаточно надежна, что доказывается практически, в частности, современной техникой, уровень совершенства которой игнорируется «критическими рационалистами», поскольку они, подобно иррационалистам, полагают, что знание и умение не находятся в каком-либо соответствии друг с другом. Между тем современный научно-технический прогресс убедительно доказывает, что уровень надежности сложнейших технических конструкций постоянно повышается. Не существует границ этому неразрывно связанному с научным познанием совершенствованию, во всяком случае, границ, которые проистекали бы из познания.

Умозрительные рассуждения Поппера и его учеников относительно того, что обоснование не поддается обоснованию, — типичный пример той самой гносеологической схоластики, которую блестяще разоблачил В. И. Ленин в ходе критики позитивизма. Самое комичное в рассуждениях Поппера состоит в том, что утверждение — обоснование не может быть обоснованным — если, конечно, следовать логике «критического рационализма», само не поддается обоснованию и, следовательно, оказывается несостоятельным.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ «КРИТИЧЕСКОГО РАЦИОНАЛИЗМА»

Тезис о невозможности рационально обоснованного обоснования выполняет у Поппера и его сторонников не только гносеологическую, но и социально-политическую функцию. В книге «Открытое общество и его враги» Поппер осуждает революционное изменение общественных отношений на том основании, что человеческие действия якобы никогда не могут быть достаточно обоснованы, вследствие чего наиболее предпочтительными являются «небольшие реформы» современного капиталистического общества. Развивая идею Поппера о принципиальной невозможности рационального обоснования не только теоретических положений, но и практических действий, Г. Альберт характеризует «критический рационализм» как философию социально-политического ре-

формизма, принципиально отвергающую любые революционные действия и радикальные реформы как пренебрегающие фактами, свидетельствующими о невозможности достаточного обоснования какой-либо социальной программы. «Критический рационализм, — пишет Альберт, — это теория несовершенства человеческого разума, из которой вытекают определенные политические выводы, в частности, тот, что общественный строй должен быть организован с учетом несовершенства человеческого разума. Критический рационализм показывает, что наука как в общественной жизни, так и в политике не может давать точных, бесспорных решений. Следует с подозрением относиться к нашей уверенности в том, что мы обладаем теорией построения совершенного гармонического общества, в котором будут отсутствовать господство и конфликты»¹.

Таким образом, представители «критического рационализма», призывая к осторожности, осмотрительности, фактически отстаивают капиталистический истеблишмент, обвиняя его противников в том, что они постунают «некритически», безответственно, неразумно, борясь против устоявшихся веками общественных порядков, противопоставляя им какие-то якобы вымышленные проекты социальных преобразований, угрожающие существующему положению вещей. Не удивительно поэтому, что «критические рационалисты» восхваляют Э. Бернштейна и современный реформизм, осуждают революционный марксизм как якобы ненаучную теорию и практику, последствия которых могут быть чрезвычайно пагубными для человечества.

К. Поппер декларирует необходимость «социальной инженерии» как системы постепенных, незначительных изменений, которые-де являются наиболее надежными, благотворными именно потому, что они незначительны, едва заметны и поэтому соответствуют сознанию невозможности удовлетворительного обоснования каких-либо действий. Эту реакционную социально-политическую систему воззрений он пытается аргументировать софистическими философскими доводами, главный из которых сводится к утверждению, что преобразование общества как определенного целого принципиально невозможно. Понятие развития характеризуется как вполне оправданное в рамках специальной теории, например дарвинизма, но совершенно неприменимое к обществу.

«Идея движения общества, представление, что общество может двигаться как некое целое по определенной траектории, в определенном направлении, подобно физическому телу, есть попросту холистская иллюзия»², — заявляет Поппер. Таким образом, он приписывает научной теории развития общества механистическую концепцию движения как простого перемещения.

Г. Альберт, пропагандируя попперовскую «социальную технологию», ориентированную на предотвращение революционного переустройства капиталистического общества, апеллирует к фальсификационизму как учению, отрицающему уверенность в успехе любой социально-исторической инициативы. «Никогда, — пишет он, — нельзя быть уверенным в том, что некоторая определенная теория надежна даже тогда, когда представляется, что она разрешила поставленные перед ней проблемы»³.

В книге «Нищета историзма» К. Поппер выступает против теоретического обобщения общественного развития, против методологии историзма вообще и объявляет принципиально несостоятельным понятие исторической необходимости, которое он интерпретирует как разновидность мифологической концепции, предназначенной для внушения массам определенных устремлений, подавления личной инициативы, самодетельности, свободы выбора. Интерпретируя исторический материализм с позиций волюнтаризма, Поппер приписывает ему фаталистические представления, согласно которым прошлое целиком определяет настоящее, а настоящее предeterminирует будущее. Эти голословные обвинения Поппер даже не пытается подкрепить каким-либо подобием конкретного анализа содержания материалистического понимания истории. Он просто заявляет, что признание объективной социальной закономерности представляет собой не что иное, как духовное порабощение человеческой личности и ее отношений с другими членами общества, отношений, которые, согласно Попперу, целиком определяются их волеизъявлением, склонностями, представлениями, убеждениями и т. д.

Буржуазная идеология всегда выступала против марксистского учения о закономерности общественно-исторического процесса, поскольку это учение является философско-социологическим обоснованием исторической необходимости,

неизбежности перехода от капитализма к социализму. Марксизму приписывалось натуралистическое истолкование истории, перенесение законов природы на общество, которое качественно отличается от природы. Между тем именно марксизм доказал, что законы природы не определяют характера социальных процессов, что существуют качественно отличные от природных социальные закономерности, специфический характер которых заключается в том, что они носят субъект-объектный характер, т. е. предполагают деятельность людей, взаимодействие между людьми, единство живой и опредмеченной человеческой деятельности. Однако критики марксизма никогда не вдумывались в эту специфическую объективность законов общественного развития: они просто игнорировали все, что не согласуется с их предвзятыми представлениями о марксизме. Тем же проторенным путем идет и К. Поппер.

В нашумевшей в свое время двухтомной работе «Открытое общество и его враги» Поппер пытается не только теоретически, но и практически обосновать отождествление научного признания объективной социальной закономерности с беспросветным фатализмом и, больше того, с... тоталитаризмом. Поппер утверждает, что источником представлений об исторической необходимости являются мифологическое убеждение о предопределении, судьбе, господствовавшее в эпоху, предшествующую цивилизации, в первобытном родовом (трайбалистском) обществе.

Не входя в сколько-нибудь серьезный анализ конкретных исторических данных и реального содержания мифологического мышления, Поппер объявляет трайбализм главным, существующим на всем протяжении истории человечества врагом цивилизации, отвергающей признание всякой «внешней» (объективной) необходимости, закономерности, обуславливающей исторический процесс, социально-политические, экономические изменения в ходе развития общества. Главными представителями трайбализма (и тем самым врагами цивилизации) этот антикоммунист объявляет... Платона, Гегеля и Маркса.

Описывая трайбализм как абсолютную власть племени над индивидом, как общество, которое пребывает «в замкнутом кругу не подлежащих изменению табу, законов и обычаев, воспринимаемых как неизбежные, подобно движению

солнца или смене времен года»⁴, Поппер приписывает такое представление об общественном строе (и более того: такое понимание социального идеала и конечной цели человечества) и Платону, и Гегелю, и Марксу. Трайбалистское общество он называет закрытым или тоталитарным, так как оно исключает свободу выбора для членов общества и принуждает их следовать предопределенному мифологией пути. Как нетрудно понять, «закрытому обществу» Поппер противопоставляет цивилизацию (античное рабовладельческое общество, феодальный строй, капитализм) как поступательное развитие демократического образа жизни, при котором общество, его развитие определяются волеизъявлением его членов, их свободным решением.

Трудно представить себе что-либо более антинаучное, чем эта концепция «открытого общества», или цивилизации, ведущей борьбу со все еще непреодоленным трайбализмом (тоталитаризмом). Читателю, не державшему в руках двухтомного опуса Поппера, трудно поверить, что серьезный ученый может столь поверхностно, вульгарно, в сущности, некомпетентно изображать историю человечества. Но суть дела здесь не в теории как таковой, а в зоологической ненависти идеолога империалистической буржуазии к социализму. Именно эта ненависть приводит Поппера к утверждению, что не Маркс, а Платон является основоположником исторического материализма. Платон, заявляет Поппер, указывал на «экономическую основу политической жизни и развития общества. Маркс возродил эту теорию под названием исторического материализма»⁵.

Едва ли необходимо доказывать, что у Платона нет ни малейшего представления об экономической основе общественного развития, о развитии общества вообще. Его теория идеального государства, превозносящая кастовый строй, в лучшем случае содержит лишь смутные предвосхищения необходимости деления общества на классы, необходимости, которую Платон обосновывает ссылками на трансцендентные идеи.

Гегель третируется Поппером как идеолог феодально-романтической реакции против Великой французской революции. Действительное же отношение Гегеля к этой революции — отношение, как известно, восторженное — просто игнорируется. Идеалистическая философия истории Гегеля,

согласно которой государство образует определяющую основу развития человечества, социального прогресса, интерпретируется как теоретическая основа... тоталитаризма. «Фашизм, — заявляет Поппер, — представляет собой правое крыло гегельянства, марксизм — его левое крыло»⁶. Таким образом, Поппер выдает свои антикоммунистические воззрения за антифашистские. Но для этого, как нетрудно показать, нет ни малейших оснований. Поппер, разглагольствующий о свободном волеизъявлении личности, в действительности считает демократию, народовластие принципиально неусуществимыми и даже ненужными. Не случайно поэтому его заявление, что демократия «не исчерпывается бессмысленным принципом, что народ должен управлять»⁷. Поппер, разумеется, противник самоуправления народа, он прямо заявляет, что «принципы буржуазной демократии» ничего не имеют общего с народовластием. Ценное признание. Оно убедительно свидетельствует о том, что идеолог современного капитализма страшится реального участия народа, трудящихся масс в управлении государством.

Некоторые исследователи-марксисты пытаются принципиально разграничить, отделить друг от друга методологию Поппера, его «философию науки» и его социально-политические, заведомо реакционные теории. Для такого противопоставления, однако, нет достаточных оснований. Достаточно указать хотя бы на тот факт, что в своей скандальной (даже по мнению ряда буржуазных исследователей) работе «Открытое общество и его враги» Поппер беспристрастно пересказывает основные положения своей вышедшей в начале 30-х гг. «Логики научного исследования». Эта книга была фактически уже забыта ко времени выхода в свет антикоммунистическогоopus Поппера, в котором он излагает программу фальсификационизма. Книга была переведена на английский язык и вскоре стала бестселлером буржуазной философской литературы. С этого времени, собственно, и началось восхождение Поппера в «маленькие великие люди» (пользуясь выражением, которое К. Маркс применял к идеологам ставшей реакционной буржуазии).

Методологические, эпистемологические воззрения Поппера следует оценивать, учитывая его партийную, в частности политическую, позицию, которая, по его собственным признаниям, самым непосредственным образом сказалась на

его методологии. В этой связи я считаю нужным отметить, что в нашей философской литературе не всегда достаточно критически оценивается методология Поппера, некоторые авторы порой фактически солидаризируются с ней. Например, Н. И. Кузнецова пишет: «Поппер стремился максимально приблизить логические понятия к изображению исторических процессов развития науки»⁸. В действительности же попперовская концепция роста научного знания фактически, т. е. независимо от субъективных побуждений Поппера-методолога, отрицает реальный научный процесс, утверждая, что каждая новая историческая фаза в истории науки дискредитирует ее предшествующую фазу, доказывая неистинность теорий, которые признавались истинными, подтверждались экспериментами, наблюдениями и т. д.

Вместе с тем в книге Н. И. Кузнецовой совершенно верно указывается на порочность методологии Поппера. Так, отмечается, что, согласно Попперу, наука именно вследствие увеличения объема научных знаний становится все более ненадежным знанием, все более уязвимым, доступным опровержению. Н. И. Кузнецова правильно замечает: «...для Поппера развитие науки приводит ко все большей «невероятности» нашего знания о мире, потому что чем больше объем знаний, чем они содержательнее, тем все больше возможностей найти «потенциальных фальсификаторов», которые могут опровергнуть теоретические построения»⁹. С этим выводом Н. И. Кузнецовой нельзя не согласиться, но он явно противоречит приведенной выше оценке.

В. И. Ленин предупреждал, что в оценке буржуазных философов эпохи империализма необходимо четко разграничивать их заявления и действительное содержание их учений. И дело здесь вовсе не в том, что эти философы лицемерят, пытаются обмануть читающую публику: они сами находятся во власти ими же созданных иллюзий. Поппер, например, утверждает: «...хотя я не называю себя материалистом, моя критика не направлена против материализма, который я лично предпочел бы идеализму, если бы меня заставили выбирать»¹⁰. Как относиться к этому заявлению Поппера? Ответ может быть лишь однозначным: отрицательно. Философия Поппера не имеет ничего общего с материализмом, а его «реалистическое» признание независимой от познания реальности носит явно субъективистски-агности-

ческий характер. Это видно из основного положения фальсификационизма, согласно которому все научные теории в конечном итоге оказываются ложными, из чего, как нетрудно понять, следует, что независимая от познания реальность принципиально непознаваема. Поппер и сам признает, что из всех классиков философии наибольшее влияние на него имел И. Кант. При этом ясно, что Поппер воспринял не гениальные прозрения Канта, родоначальника немецкой классической философии, а его гносеологический скептицизм.

Подведем некоторые итоги. Возникновение «критического рационализма» явилось результатом осознания безысходных противоречий неопозитивизма, попыткой создания противовеса идеалистическому эмпиризму, субъективистскому принципу верифицируемости, эмпирическому редукционизму. Однако отрицание неопозитивизма осуществляется с родственных последнему, но еще более экстремистских позиций гносеологического субъективизма и агностицизма, несмотря на декларативные утверждения Поппера и его сторонников об их приверженности «реализму» и отрицательном отношении к идеализму.

Стержневой концепцией «критического рационализма», его логическим и историческим началом является фальсификационизм, который представляет собой разнovidность абсолютного релятивизма и включает фактическое отрицание гносеологической необходимости понятия истины, плюралистическую концепцию знания, идеалистическую ревизию материалистических основ естествознания, а также попытку дискредитировать научное понимание общественного развития и основанную на нем практическую и политическую деятельность. «Буржуазия, — писал В. И. Ленин, — требует от своих профессоров реакционности»¹¹. «Критический рационализм» выполняет социальный заказ современной буржуазии лучше, чем какая-либо иная идеалистическая философия науки.

Шумиха, поднятая буржуазной печатью вокруг сочинений Поппера и его сторонников, имеет определенные классовые корни. «Критический рационализм» рассматривается буржуазными идеологами как философская основа новейшего, гораздо более изощренного, чем в прошлом, антикоммунизма. Таким образом, эта философия, рекламируемая как высшее достижение в области методологии научного поиска,

представляет собой в действительности лишь впечатляющее выражение духовного кризиса современного буржуазного общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Критический рационализм», как свидетельствует само название этого течения, противопоставляет себя традиционному рационализму — философскому течению, которое было идеологией исторически прогрессивной буржуазии Западной Европы в XVII—XVIII вв. Этот рационализм, наиболее выдающимися представителями которого были Р. Декарт, Г. Лейбниц, Б. Спиноза, характеризуется К. Поппером как некритический.

Не приходится оспаривать тот факт, что великие рационалисты XVII—XVIII вв. действительно во многом заблуждались. Они, например, утверждали, что источником ошибок, совершаемых познающим субъектом, являются лишь чувственные восприятия или же пристрастие человека, его воля, но никоим образом не разум, который, согласно рационалистическому учению, не заблуждается, если, конечно, он способен освободиться от власти чувственности, эмоций, от пристрастий и капризов воли. История науки опровергла это рационалистическое заблуждение, наглядно показав, что не только чувственное отражение внешнего мира, но и мышление, разум впадают в заблуждения.

История науки и практика опровергли также рационалистическое убеждение, что разум, мышление могут быть независимым от чувственности источником знаний о внешнем мире. В наше время ученые, как правило, не сомневаются в том, что самые абстрактные теоретические построения имеют в конечном счете своим источником чувственный опыт, чувственное познание внешнего мира.

Заблуждения рационалистов XVII—XVIII вв. были подвергнуты основательной критике материалистами XVIII—XIX вв. Диалектический материализм вскрыл диалектику чувственного отражения объективной реальности, переход от чувственного созерцания к абстрактному мышлению, взаимозависимость между теоретическим исследованием, с одной стороны, и эмпирическим исследованием — с другой.

Однако диалектико-материалистическая критика рационализма, как и эмпиризма, не была их абстрактным, огульным отрицанием. Философия марксизма позитивно оценила исторические заслуги рационалистов XVII—XVIII вв. так же, как и их продолжателей — классиков немецкой философии конца XVIII — начала XIX в. Рационалистическая философия внесла существенный вклад в обоснование принципа познаваемости мира; в рамках рационалистической традиции развивалась диалектика, высшим достижением которой был гегелевский рационалистический идеализм, охарактеризованный В. И. Лениным как диалектический идеализм. При этом Ленин подчеркивал, что диалектический идеализм ближе диалектическому материализму, чем старый, метафизический материализм.

Таким образом, К. Поппер опоздал со своей критикой старого рационализма по меньшей мере на полтора века. Он подвергал критике давно уже преодоленные пороки рационалистической философии. Того же, что составляло действительную историческую заслугу этой философии, — поиска истины, обоснования беспредельности человеческого познания, диалектических идей — Поппер не хотел видеть, ибо он считал своей задачей обоснование невозможности достижения истины.

К. Поппер отрицал, что «критический рационализм» есть новейшая разновидность гносеологического скептицизма. Однако общеизвестно, что главным признаком скептического направления в философии от античности до наших дней является отрицание возможности критерия истины, возможности принципиального разграничения истины и заблуждения. И именно «критический рационализм» взял на себя весьма неблагоприятную задачу возрождения скептицизма.

Некоторые ученые в капиталистических странах, подпавшие под влияние «критического рационализма», исходят из того, что здоровый скептицизм является необходимым моментом критического научного мышления. Это, конечно, правильно. Материалистическая диалектика, несомненно, включает в себя момент скептицизма (как и момент релятивизма), но не сводится ни к тому, ни к другому. Между тем «критический рационализм» вопреки своему словесному отречению от скептицизма и релятивизма возводит эти реальные моменты процесса познания в абсолют, что и приводит

его к агностицизму, отрицанию истины и ее критерия, и абсолютному релятивизму. В отличие от сторонников и продолжателей Поппера, которые, даже полемизируя с ним (каждый из них, разумеется, претендует на создание собственной системы), разделяют и обосновывают принципы философского и социологического скептицизма, некоторые буржуазные критики «критического рационализма» прямо указывают на эту ахиллесову пяту попперианства. Так, английский философ Р. Дженингс пишет: «Сказать, что у нас нет достаточных оснований признавать какие-либо научные теории истинными или ложными, значит становиться на позиции скептицизма, по сравнению с которым даже инструментализм оказывается меньшим злом»¹.

Современные буржуазные философы-идеалисты громко и открыто отрекаются от идеализма: они лелеют иллюзии, что новые, создаваемые ими модификации идеализма являются его окончательным преодолением. Жалкие иллюзии, свидетельствующие лишь о безысходном кризисе идеалистического философствования. Но именно таковы и иллюзии «критических рационалистов», отрекающихся от гносеологического скептицизма, абсолютного релятивизма, идеализма, несмотря на то что они лишь подновляют эти давно обанкротившиеся учения.

Как отмечалось на XXVII съезде КПСС, «капитализм несет народам и обеднение культуры, размывание создававшихся веками духовных ценностей. Ничто не возвышает человека больше, чем знания. Но, вероятно, ни в один другой период своего существования человечество не испытывало такого давления фальши и обмана, как сейчас. Буржуазная пропаганда обрушивает на людей во всем мире искусно подтасованную информацию, навязывает мысли и чувства, программирует выгодную для правящих сил гражданскую и социальную позицию»².

Не требуется большой проницательности, чтобы увидеть, что «критический рационализм», давно уже ставший утонченным «обоснованием» оголтелого антикоммунизма, выполняет социальный заказ империалистической буржуазии независимо от субъективной позиции отдельных его представителей, стремящихся разобраться в методологии и истории научного знания.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ Поппер К. Логика и рост научного знания. — М., 1983. — С. 405.
- ² Там же. — С. 406.
- ³ Reichenbach H. Modern Philosophy of Science. — London, 1959. — P. 136.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Поппер К. Логика и рост научного знания. — С. 226.
- ⁶ Там же. — С. 230.
- ⁷ Гегель Г. В. Энциклопедия философских наук. — Т. 1. — Наука логики. — М., 1974. — С. 81.
- ⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. — Т. 1. — С. 7—8.
- ⁹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе. — М., 1956. — С. 96.
- ¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 18. — С. 277.
- ¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 23. — С. 43—44.
- ¹² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. — Т. 16. — С. 131.
- ¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 18. — С. 139.
- ¹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. — Т. 20. — С. 88.
- ¹⁵ Там же. — С. 89.
- ¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 18. — С. 123.

От неспозитивизма к «критическому рационализму»

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 18. — С. 51.
- ² Там же. — С. 59.
- ³ Карнап Р. Значение и необходимость. — М., 1959. — С. 312.
- ⁴ Born M. Der Realitätsbegriff in der Physik.—Die Sammlung 13 Jahrgang, 1958. — Heft 7—8. — S. 348.
- ⁵ Carnap R. Physikalische Sprache als Universalsprache der Wissenschaft. — Erkenntnis, 1931. — Bd. 2. — S. 454. Разъясняя это субъективистское истолкование «протокольных предложений», Карнап пишет, что «каждый субъект может принимать лишь свой собственный протокол в качестве основы» (там же. — С. 460). Нензбежность такого заключения очевидна, поскольку чувственные данные трактуются как последнее основание знания, исключается внешний источник знания, и оно рассматривается как нечто, объясняемое своим содержанием лишь единичному человеческому индивиду.
- ⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 18. — С. 126.
- ⁷ Bernard C. Introduction à la médecine experimentalle. — Paris, 1875. — P. 385.
- ⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. — Т. 21. — С. 302.

Фальсификационизм — модернизация гносеологического скептицизма

¹ В. Н. Садовский в своем предисловии к русскому изданию книги К. Поппера «Логика и рост научного знания» правильно констатирует: «В «Логике научного исследования» Поппер вообще не пользуется понятием «истина» (с. 20).

² Popper K. R. The Logic of Scientific Discovery. — London, 1972. — P. 112.

³ Popper K. R. Open Society and its Enemies. — London, 1946. — Vol. 2. — P. 13.

⁴ Popper K. R. The Logic of Scientific Discovery. — P. 70.

⁵ Popper K. R. Philosophy of Science. — British Philosophy in the Mid-Century. A Cambridge Symposium. — London, 1957. — P. 159.

⁶ Поппер пишет, что «требование, соответственно которому все наши термины должны быть определены, столь же несостоятельно, как и требование, чтобы все наши утверждения были доказаны» (Popper K. R. The Open Society... — Vol. 2. — P. 17). Речь, однако, идет не о всех терминах, а о таких основных понятиях, как истинное и ложное. При этом, конечно, имеется в виду не формальная дефиниция, а фиксируемое исследованием содержание понятия.

⁷ См.: Popper K. R. Open Society and its Enemies.—Vol. 2.—P. 13.

⁸ Панин А. В. Диалектический материализм и постпозитивизм. — М., 1981. — С. 76.

⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. — Т. 20. — С. 92—93.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 18. — С. 137.

¹¹ Popper K. R. Objektive Knowledge. An Evolutionary Approach. — Oxford, 1979. — P. 29.

¹² Lenk H. Philosophie im technologischen Zeitalter. — Stuttgart, 1971. — S. 64.

«Посредством логического следования, — пишет Г. Альберт. — никогда не может быть добыто новое содержание. Свободное поле высказываний, которые имеются в виду, становится в процессе дедукции несколько большим или же не изменяется. Что касается содержания информации, то оно при этом уменьшается или остается прежним». (Albert H. Traktat über kritische Vernunft. — Tübingen, 1969. — S. 12).

¹³ Виндельшанд В. Прелюдии. — Спб., 1904. — С. 35.

¹⁴ Lenk H. Philosophie im technologischen Zeitalter. — S. 97.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Нарский И. С. Методология и эпистемология К. Поппера в их существе и следствиях. «Критический рационализм»: философия и политика. — С. 89.

¹⁷ Popper K. R. The Logic of Scientific Discovery. — P. 285—465.

¹⁸ Popper K. R. Objective Knowledge. An Evolutionary Approach. — P. 69.

¹⁹ См.: Ibid. — P. 60.

²⁰ Ibid. — P. 44.

²¹ Ibid. — P. 57—58.

²² Ibid. — P. 159.

²³ Ibid. — P. 161.

²⁴ Поппер К. Логика и рост научного знания. — С. 346.

**«Критический рационализм» и методологические
размышления некоторых представителей
нефилософского знания**

¹ Пойа Д. Математика и правдоподобные рассуждения. — М., 1975. — С. 14.

² Бонди Г. Гипотезы и мифы в физической теории. — М., 1972. — С. 11. В. А. Угаров, переведший эту книгу на русский язык, следующим образом комментирует приведенное высказывание: «Если бы автор сказал «с абсолютной истиной», его мысль была бы совершенно точной» (Там же. — Примеч.). Однако следует разграничивать метафизическую и диалектическую концепцию абсолютной истины. Диалектическое признание и понимание последней раскрывают ее единство с относительной истиной, т. е. показывают, что абсолютная истина и абсолютна, и относительна.

³ Бонди Г. Гипотезы и мифы в физической теории. — С. 9.

⁴ Там же. — С. 11.

⁵ Там же. — С. 10.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 18. — С. 369—370.

⁷ Popper K. R. Open Society and its Enemies. — Vol. 2. — P. 246.

⁸ Кун Т. Структура научной революции. — М., 1975. — С. 131.

⁹ Вайскопф В. Физика в двадцатом столетии. — М., 1977. — С. 53.

¹⁰ См.: Природа. — 1976. — № 6.

¹¹ Фейнман Р. Характер физических законов. — М., 1968. — С. 172.

¹² Там же. — С. 173.

¹³ Там же. — С. 174.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 29. — С. 195.

¹⁵ Кун Т. Структура научных революций. — С. 18.

¹⁶ Цит. по: Волькенштейн М. Биофизика в кривом зеркале // Наука и жизнь. — 1977. — № 7. — С. 62.

¹⁷ Popper K. R. Naturgesetze und theoretische Systeme. — Theorie und Realitat. Hrsg. von H. Albert. — Tübingen, 1972. — S. 47.

¹⁸ Popper K. R. Objective Knowledge. — P. 49.

Идеологическая функция «критического рационализма»

¹ Albert H. Plädoyer für kritischen Rationalismus. — München, 1970. — S. 70.

² Popper K. R. The Poverty of Historicism. — Boston, 1957. — P. 114.

³ Albert H. Traktat über kritische Vernunft. — S. 49.

⁴ Popper K. R. The Open Society and its Enemies. — London, 1962. — Vol. 1. — P. 57.

⁵ Popper K. R. The Open Society and its Enemies. — Vol. 2. — P. 31.

⁶ Popper K. R. Op. cit. — P. 30.

⁷ Ibid. — P. 89.

⁸ Кузнецова Н. И. Наука в ее истории. — М., 1982. — С. 53.

⁹ Там же. — С. 51.

¹⁰ Popper K. R. Conjectures and Refutations. — London. — P. 331.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 18. — С. 167.

Заключение

¹ Jennings R. Conjectural realism. — Philosophical quarterly. — St. Andrews, 1984. — Vol. 34. N. 134. — P. 53.

² Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. — М., 1987. — Т. 3. — С. 197.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К., Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Отдел 1 // Соч. — Т. 20.

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — Гл. 2, 5 // Полн. собр. соч. — Т. 18.

Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — М.: Политиздат, 1986.

Федосеев П. Н. Философия и научное знание. — М.: Наука, 1983. — Р. 1, 2.

Критический рационализм. Философия и политика // Под ред. Б. Н. Бессонова, И. С. Нарского. — М.: Мысль, 1981.

Нарский И. С. Современная буржуазная философия: два ведущих течения 80-х годов XX века. — М.: Мысль, 1983.

Никифоров А. Л. От формальной логики к истории науки. — М.: Наука, 1983.

Касавин И. Т. Теория познания в плену анархии. — М.: Политиздат, 1987.

Структура и развитие науки // Под ред. В. Н. Садовского, Б. С. Грязнова. — М.: Наука, 1978.

Кун Т. Структура научных революций. — М.: Прогресс, 1975.

Поппер К. Логика и рост научного знания. — М.: Прогресс, 1983.

Полани М. Личностное знание. — М.: Прогресс, 1985.

Фейерабенд. Избранные труды по методологии науки. — М.: Прогресс, 1986.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
От нисопозитивизма к «критическому рационализму»	15
Фальсификационизм — модернизация гносеологического скеп- тицизма	- 24
«Критический рационализм» и методологические размышления некоторых представителей нефилософского знания	35
Идеологическая функция «критического рационализма» . . .	46
Заключение	54
Примечания	57
Литература	61

Научно-популярное издание

Теодор Ильич ОИЗЕРМАН

КРИТИКА «КРИТИЧЕСКОГО РАЦИОНАЛИЗМА»

Редактор Л. К. Кравцова
Мл. редактор Т. А. Тарасова
Худож. редактор П. Л. Храмцов
Техн. редактор А. М. Красавина
Корректор Л. В. Иванова

ИБ № 9367

Сдано в набор 11.11.87. Подписано к печати 31.12.87. А 13863. Формат бума-
ги 70×108^{1/2}. Бумага тип. № 1.2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отт. 2,89. Уч.-изд. л. 3,41. Тираж 26 513 экз. За-
каз 2308. Цена 11 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр,
проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 881002.
Типография Всесоюзного общества «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Редакция литературы по философии и научному коммунизму готовит к изданию в ближайшее время работы на темы:

ГЛАВНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ ПОСТУПАТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

(Взаимодействие производительных сил и производственных отношений при социализме)

На основе марксистско-ленинской методологии анализируется диалектически противоречивое взаимодействие производительных сил и производственных отношений в условиях социализма. Аргументированно доказывается, что крутое ускорение научно-технического прогресса советского общества, активизация творчества масс возможны лишь при условии целенаправленного совершенствования форм организации и стимулирования труда, распределительных отношений в соответствии со степенью зрелости производительных сил;

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОЦИАЛИЗМА

Обеспечение ускорения социально-экономического развития страны КПСС связывает с всемерной активизацией человеческого фактора. Раскрываются конкретные пути и методы повышения творческой активности трудящихся во всех сферах общественной жизни. Особое внимание уделяется углублению демократизации советского общества как главного рычага включения всего народа в перестройку;

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ДИАЛЕКТИКА РАЗВИТИЯ

Раскрываются основные направления развития и совершенствования национальных отношений в соответствии со степенью зрелости советского общества. Показывается, что в современных условиях особую значимость приобретают своевременное и справедливое решение вопросов, возникающих в сфере национальных отношений, интернациональное воспитание трудящихся, особенно молодежи;

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В УСКОРЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

(По материалам «круглого стола», г. Свердловск)

Современный этап совершенствования социализма требует углубления философского осмысления сложных социально-экономических и духовных процессов, диалектической переработки проблем мировоззренческого и методологического обеспечения ускорения развития нашего общества. Обсуждая эти проблемы, участники «круглого стола» намечают пути активизации философской общественности, направления воздействия философии на реальные процессы ускорения социально-экономического развития страны;

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Рассматриваются актуальные проблемы комплексного изучения человека. Анализируются такие важнейшие научные направления, как экология, этология человека, коэволюция природных и социальных факторов развития биосферы, и критикуется социобиологическое толкование поднимаемых ими проблем. Мировоззренческое значение синтеза знания о человеке рассматривается в связи с глобальной задачей сохранения жизни на Земле;

ФИЛОСОФИЯ ЯДЕРНОГО БЕЗУМИЯ

(Критика буржуазных концепций
по проблемам войны и мира)

В условиях возрастающего влияния военно-промышленного комплекса на политику империалистических государств апологеты капитализма конструируют разнообразные концепции, цель которых обосновать агрессивный характер глобальной стратегии империализма. Автор раскрывает научную несостоятельность буржуазных теорий неизбежности войн, показывает, что они являются модификацией раскритикованных марксистской наукой социал-дарвинизма, социальной этологии и неофрейдизма.

Просим вас присылать в редакцию вопросы, на которые вы хотели бы получить ответы в будущих брошюрах.

Наш адрес: 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Издательство «Знание», редакция литературы по философии и научному коммунизму, серия «Философия».

11 коп.

Зем. 33-8

Индекс 70065

ЗНАНИЕ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ